

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CU58294350

809.8 An28

Kozatskaia дума o tr

Columbia University
in the City of New York

LIBRARY

M. A. Andrievich

Build covers
inside

ТОЖЕ ТРЕХЪ СЪСТАВЕНЪ ХЪЗЪ ХЕБОНЪ
(ДУМА)

Типо-Литография

В. Христенко

Одесса.

1884г

Printed in Russia

Digitized by Google

КОЗАЦКАЯ ДУМА
О
ТРЕХЪ АЗОВСКИХЪ БРАТЬЯХЪ
ВЪ ПЕРЕСКАЗЪ

съ объясненіями и разборомъ ея.

Публичная лекція преподавателя реального училища

М. А. АНДРЕЙСКАГО,

читанная въ Екатеринославѣ 20 марта 1883 г.

СЪ КАРТОЮ.

ИЗДАНИЕ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАГО КНИГОПРОДАВЦА

І. В. ШАФЕРМАНА.

Одесса
Типо-лит. В. Кирхнеръ
1884.

Дозволено цензурой.—Одесса, 19 Июля 1883 г.

39-53549

809.8

An 28.

ALBINO
VIRIDIS
VIRIDIS

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Составляя эту лекцію для чтенія ея въ публичномъ собраніи, я прежде всего долженъ былъ имѣть въ виду тѣ условія и требованія, которые предъявляются вообще къ подобнаго рода чтеніямъ, т. е. *общезанимательность* сюжета и *общедоступность* изложенія его; а то обстоятельство, что лекція читалась съ благотворительною цѣлью (сборъ назначался на устройство народныхъ чтеній), и что, вслѣдствіе этого, какъ слѣдовало предполагать, случайная моя аудиторія должна была наполниться слушателями, движимыми, главнымъ образомъ, интересомъ не предмета самаго чтенія, но общественнаго дѣла, подавшаго поводъ къ чтенію, — тѣмъ болѣе обязывало меня позаботиться о томъ, чтобы чтеніе это обладало, по меньшей мѣрѣ, *отрицательными достоинствами*, т. е. чтобы оно не утомило вниманія слушателей и не навело на нихъ скуки. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія *легкаго* чтенія, я и просилъ б. г. рецензентовъ, — еслибы имъ вздумалось по какому нибудь случаю упомянуть о ней, — и оцѣнивать эту работу.

Само собою разумѣется, что, вслѣдствіе всего вышесказаннаго, при изложеніи моей лекціи, я долженъ былъ отбросить всю подготовительную, черновую часть моей работы,—то, что въ подобныхъ случаяхъ называютъ научнымъ аппаратомъ, и выдвинуть лишь результаты ея, ея лицевую, или показную сторону. Но издавать ту лекцію въ свѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была прочитана, т. е. безъ всякихъ ссылокъ и указаний на тѣ научныя данныя и критическія соображенія, на которыхъ она основана, не особенно было мнѣ желательно, такъ какъ въ такомъ случаѣ этотъ трудъ всецѣло перешелъ бы въ область беллетристики, а между тѣмъ мнѣ все таки желательно было, чтобы онъ, представляя собою нѣчто въполнѣ *удобочтемое и общедоступное*, вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ сколько нибудь и характеръ *научный*. Съ наибольшимъ удобствомъ можно было достигнуть этого не иначе, какъ посредствомъ снабженія лекціи *примѣчаніями*, въ которыхъ собраны были бы всѣ наиболѣе существенныя и необходимыя ссылки и указанія. Такъ я и сдѣлалъ. Текстъ печатается большимъ шрифтомъ, примѣчанія выдѣлены въ особый отдѣлъ, помѣщенный въ концѣ статьи меньшимъ шрифтомъ. Все это сдѣлано для удобства гг. любителей «легкаго чтенія», которыхъ я главнымъ образомъ и имѣлъ въ виду при изготовленіи этой книжицы.

КОЗАЦКАЯ ДУМА

ОБЪ АЗОВСКИХЪ БРАТЬЯХЪ.

I.

Вступительныя замѣчанія.

Предметъ чтенія и точка зрѣнiя на него. — Общія замѣчанія объ избранной для чтенія думѣ, ея вариантахъ и изводахъ. — Значеніе и цѣль пересказа думы.

При выборѣ предмета для публичнаго чтенія, я былъ въ нѣкоторомъ раздумьи. Съ одной стороны, я могъ бы выбрать что-либо въ достаточной степени достойное вниманія изъ художественной литературы образованнаго общества, — литературы, съ внѣшней стороны, богатой, нерѣдко блестящей и эффектной, а если разсматривать ее по содержанию, — чуткой и отзывчивой по отношенію къ разнаго рода возникающимъ явленіямъ общественной жизни; съ другой стороны, вниманіе мое останавливала на себѣ устная словесность просто народа, которая, при сопоставленіи ея съ литературой образованнаго общества, представляется болѣе скромной и однообразной относительно внѣшности и болѣе устойчивой и неподвижной относительно содержания. Я избралъ послѣднюю, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Литература образованнаго общества и народная словесность

Интересъ науче-
нія послѣдней.

Въ послѣднее время настойчивое и широкое примѣненіе у насъ строго—научнаго историко-сравнительнаго метода къ изученію памятниковъ народнаго творчества вообще, въ особенности же—великорусскихъ былинъ и духовныхъ стиховъ, сдѣлало очень замѣтные успѣхи. Но всѣ этого рода изученія, какъ бы по мѣрѣ дѣлаемыхъ ими успѣховъ, все болѣе и болѣе замыкаются въ тѣсномъ кругу специалистовъ-филологовъ; знакомство же съ областью народной словесности и интересъ къ ней въ средѣ образованной публики вообще распространяется, кажется, не особенно много. А между тѣмъ, нельзя не пожалѣть объ этомъ. Народная поэзія очень цѣнна въ художественномъ отношеніи, потому что заключаетъ въ себѣ много свѣжести, неподдѣльности, жизненной правды, и въ этомъ отношеніи она можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ и для оживленія поэзіи культурной, письменной. Еще цѣннѣе она по содержанію. Это—наиболѣе важный источникъ для изученія народной жизни вообще и прошлаго этой жизни въ частности,—источникъ, въ этомъ отношеніи, даже гораздо болѣе важный, чѣмъ письменные историческіе памятники. Въ послѣднихъ мы встрѣчаемся обыкновенно съ одними лишь внѣшними проявленіями народной дѣятельности, и только въ словесныхъ памятникахъ народнаго творчества подслушивается нами непосредственно импульсъ народной жизни, видится неуловимый духовный обликъ того коллективнаго цѣлаго, которое называется народомъ; только здѣсь, при изученіи этихъ творческихъ произведеній народа, мы можемъ составить себѣ сколько нибудь правильное и опредѣленное понятіе о его общественныхъ идеалахъ и нравственныхъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ, кромѣ удовольствія чисто-эстетическа-

го или художественнаго наслажденія, изъ изученія народной словесности мы почерпаемъ еще и удовольствіе знанія, притомъ — знанія не только того, чисто спеціальнаго, характера, какимъ ограничиваютъ свои задачи филологія, археологія, этнографія и пр., но и знанія болѣе практическаго и широкаго, болѣе близкаго и доступнаго и для каждаго мыслящаго чело-вѣка. А знаніе это не можетъ не оказаться въ концѣ концовъ и болѣе жизненнымъ и плодотворнымъ, ибо, изучая произведенія народнаго творчества, мы научаемся цѣнить ихъ, отдавать имъ должное, вслѣдствіе этого научаемся отдавать должное и той средѣ, въ которой они, въ продолженіи очень долгаго времени, возникали, и выраженіемъ духовной жизни которой они служили. Всѣми этими соображеніями въ достаточной степени, кажется, можетъ быть объяснено и то замѣчательное явленіе, что въ эпохи т. н. народныхъ возрожденій, или, какъ говорятъ, подъёмовъ народнаго духа, замѣчается страстное стремленіе отыскивать и записывать все, что сохранилось въ памяти и устахъ народа изъ его творческихъ произведеній, стремленіе спасти эту народную святыню изъ бездны забвенія.

Нашъ великій Пушкинъ, конечно, съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ:

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ» (¹)

И вотъ и при изученіи безыскусственнаго, наивнаго народнаго творчества представляется вопросъ, до какой степени и важнѣйшіе носители и представители этого творчества: сказатели, пѣвцы, бандуристы или кобзари и лирники, — эти далеко неблестящіе съ вѣн-шней стороны поэты и артисты, — имѣли бы право и о себѣ, о своемъ творествѣ, не смотря на всѣ

его недостатки и прорѣхи, сказать нѣчто подобное тому, что въ столь изящныхъ стихахъ замѣтилъ о своемъ творествѣ любимѣйшій и симпатичнѣйшій изъ поэтовъ образованнаго общества: какія чувства пробуждаютъ они своей лирой, любезны ли и они народу? Разрѣшенію этого-то вопроса и будетъ посвящено мое чтеніе.

Великорусскія
былины и мало-
русскія думы по
отношенію къ
ихъ научной раз-
работкѣ.

Въ то время, какъ великорусская сокровищница народнаго былеваго героическаго или, — что тоже, — богатырскаго эпоса давно уже подверглась очень обстоятельному и цѣнному изслѣдованію ⁽¹⁾, драгоцѣнные малорусскія эпическія пѣсни, которымъ издавна усвоено названіе думъ ⁽²⁾, и въ которыхъ воспроизводятся явленія героической эпохи казачества, лишь въ недавнее время собраны въ одинъ сборникъ, и до настоящаго времени не вполне еще изданный ⁽³⁾, а нѣкоторые очень цѣнные ихъ варьянты хранятся подъ спудомъ, въ рукописныхъ сборникахъ, не всякому доступныхъ. Что же касается сравнительно — критической оцѣнки варьянтовъ, филологическихъ и историческихъ поясненій, наконецъ, анализа обрисовываемыхъ въ этихъ пѣсняхъ типовъ, общественныхъ идеаловъ и нравственныхъ тенденцій, то этого рода критическая разработка, можно сказать, едва лишь началась; эта-то новизна и непочатость предмета въ наукѣ и привлекла меня избрать для разрѣшенія поставленнаго мною выше вопроса, въ видѣ нагляднаго примѣра или образца, рассмотреть именно одного изъ произведеній малорусской эпической музы.

Дума объ азов-
скихъ братьяхъ.

Я избралъ для этого козацкую думу, извѣстную у пѣвцовъ подъ заглавіемъ: «о трехъ братьяхъ азовскихъ», или, просто, «объ азовскихъ братьяхъ ⁽⁴⁾».

Дума эта известна во многих вариантахъ, за- Варианты ея.
 писанныхъ въ разное время отъ разныхъ пѣвцовъ
 лѣвобережной Украйны. Шесть вариантовъ, изъ ко-
 ихъ пять известны были уже по прежнимъ сборни-
 камъ, собраны всѣ вмѣстѣ въ томъ сборникѣ исто-
 рическихъ пѣсенъ малорусскаго народа, о которомъ
 я уже упомянулъ, а именно: варианты, записанные
 отъ кобзарей: во 1-хъ, Петра *Колыбабы* изъ м.
 Ольшанки богодуховскаго у. харьк. губ., во 2-хъ,
 Архипа *Никоненка* изъ хутора Оржицы лубенскаго
 (у. полт. г., въ 3-хъ, отъ известнаго Остапа *Вере-*
сая изъ прилудскаго у. полт. г., въ 4-хъ, отъ Федора
 Алексѣева изъ села Крячкова пирятинскаго у. полт.
 г., называемаго поэтому *Крячковскимъ*. Пятый варь-
 янтъ перепечатанъ изъ «Запорожской Старины» *Срез-*
невскаго, шестой—изъ «Сборника украинскихъ пѣ-
сенъ» Максимовича. Ни Срезневскій, ни Максимо-
 вичъ ни словомъ не упоминаютъ о народныхъ пѣв-
 цахъ, отъ которыхъ они заимствовали матеріалы для
 своихъ сборниковъ. Седьмой вариантъ записанъ отъ
 бандуриста Ивана *Крюковскаго* въ г. Лохвицѣ, полт.
 губ. г. Горленко и помѣщенъ въ «Кіевской Стари-
 нѣ» за 1882 г., № 12, стр. 499 - 504. Кромѣ того,
 существуетъ еще два варианта: одинъ, записанный
Н. И. Костомаровымъ въ 1840 г. въ Харьковѣ отъ
 кобзаря, другой въ рукописномъ сборникѣ *И. П.*
Котляревскаго. Этими двумя вариантами Н. И. Ко-
 стомаровъ подѣлился съ читающей публикою лишь
 въ отрывкахъ, приведенныхъ имъ въ подстрочныхъ
 выдержкахъ къ его статьѣ, помѣщенной въ журна-
 лѣ: «Русская Мысль» за 1880 г., № 2, гдѣ изъ
 варианта, записаннаго самимъ *Н. И. Костомаровымъ*,
 приведенъ 121 стихъ, а изъ варианта, помѣщеннаго
 въ рукописномъ сборникѣ *И. П. Котляревскаго*, пре-
 доставленномъ Н. И. К-ву въ его исключительное поль-

зованіе, всего 99 стиховъ. Наконецъ, извѣстно о существованіи еще одного варьянта, записаннаго г. *Минжурую*. О существованіи этого варьянта сообщил мимоходомъ г. Потебня въ своихъ этимологическихъ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ за 1881 г., № 2, но самый варьянтъ этотъ не изданъ. Итакъ, намъ извѣстны семь варьянтовъ нашей думы вполнѣ, два варьянта — отчасти, въ отрывкахъ, — итого девять, а о десятомъ знаемъ пока только то, что онъ существуетъ, что о немъ сообщалъ г. Потебня г. Манжура, и что въ этомъ варьянтѣ есть слово *Міюсь*, имя р. *Міуса* (*). По словамъ г. Горленка, и теперь попадаются еще изрѣдка молодые нищіе слѣпцы, которые, сверхъ своего обычнаго ярмарочнаго репертуара, поютъ и эту думу ¹⁾. Такимъ образомъ оказывается, что эта дума, по сравненію съ другими дошла до насъ въ значительномъ числѣ варьянтовъ, что воспѣвается она даже и въ настоящее время, при очевидномъ упадкѣ эпическаго творчества. А изъ этого можно вывести и то заключеніе, что дума эта принадлежала въ свое время къ любимѣйшимъ произведеніямъ народной эпической музыки, къ тѣмъ пьесамъ народнаго эпическаго репертуара, которыя, по желанію публики, исполнялись пѣвцами чаще другихъ пьесъ, вслѣдствіе чего и лучше памяговались. Вотъ поэтому-то я и нашелъ эту думу наиболѣе подходящею для моей цѣли.

Изводъ думы.

Всматриваясь ближе во всѣ девять извѣстныхъ намъ варьянтовъ думы и сличая ихъ между собою, — мы замѣчаемъ, что они представляютъ три редакціи, или, какъ говорятъ, извода ея, а именно *полную*, представителями которой являются варьянты *Кол.*, *Крюк.*, *Кост.* и *Котл.*, *среднюю*, къ которой принадлежатъ варьянты *Ник.*, *Срезн.* и *Макс.*, наконецъ,

краткую, къ которой относятся варьянты *Вер.* и *Крячк.* Стало быть на долю полной редакціи приходится 4 варьянта, на долю средней— три и на долю краткой—два. Полную редакцію принимаютъ обыкновенно за первоначальную, изъ которой, вслѣдствіе постепеннаго забвенія пѣвцами конца пѣсни, могли образоваться средняя редакція и, наконецъ, краткая. Для моей цѣли удобнѣе, впрочемъ, будетъ установить иную точку зрѣнія на отношеніе между этими тремя редакціями думы, а именно смотрѣть на эти существующія въ настоящее время три редакціи, какъ на три развѣтвленія предполагаемой первоначальной редакціи, которая служила основой, изъ которой развились всѣ три теперешнія редакціи, и которая была еще кратчайшею, чѣмъ теперешняя краткая. Такое измѣненіе точки зрѣнія на отношеніе между редакціями думы удобно для нашей цѣли потому, что, нисколько не измѣняя сущности самой думы и вполне согласуясь съ болѣе общею точкою зрѣнія на ходъ, или процессъ созиданія народныхъ пѣсенъ вообще, способствуетъ составленію болѣе яснаго и отчетливаго представленія о содержаніи думы.

Народныя пѣсни, какъ извѣстно, существуютъ обыкновенно, какъ и въ данномъ случаѣ, въ нѣсколькихъ или во многихъ варьянтахъ, причемъ эти варьянты представляютъ собою матеріалъ не одинаковой цѣнности: одни изъ нихъ болѣе послѣдовательны и исправны, въ другихъ содержаніе пѣсни перепутано, оборвано и искажено,—однимъ словомъ, болѣе или менѣе разрушено; но случается иногда при этомъ и то, что и въ самомъ плохомъ варьянтѣ сохраняются такіе драгоценныя слѣды первоначальнаго расположенія частей и такіе художественныя черты, которыя уже вовсе уничтожены или, по

Значеніе и цѣль пересказа думы

меньшей мѣрѣ, сглажены и стерты и въ самыхъ исправныхъ варьянтахъ. Отсюда естественнымъ образомъ вытекаетъ, что правильное, полное и цѣльное представленіе о содержаніи дошедшей до насъ пѣсни можетъ быть получено лишь при сопоставленіи, сличеніи и критической оцѣнкѣ всѣхъ извѣстныхъ ея варьянтовъ. Само собою разумѣется, что конечнымъ результатомъ такой работы надъ пѣснью можетъ явиться лишь пересказъ, или изложеніе содержанія пѣсни, извлеченное изъ всѣхъ варьянтовъ. Но такое изложеніе можетъ имѣть нѣкоторую цѣнность, конечно, лишь какъ пособіе для уясненія содержанія данной пѣсни, и то лишь въ томъ только случаѣ, если оно сдѣлано съ крайнею осмотрительностью и съ величайшею точностью,—т. е. если дѣлающій его не позволитъ себѣ ни малѣйшей прибавки или подмалевки къ тѣмъ чертамъ, которыя дѣйствительно существуютъ въ подлинныхъ текстахъ варьянтовъ, и если будетъ отбрасывать лишь до очевидности позднѣйшія т. н. налеты или наросты, прикрасы и искаженія. Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія и составленъ мною пересказъ избранной мною думы, въ которомъ я передаю содержаніе ея почти дословно, всячески стараясь сохранить и самый колоритъ подлинныхъ выраженій, и, такъ сказать, эпическій стиль думы.

II.

Предварительныя поясненія къ содержанію думы.

Основной планъ думы. — Время ея происхожденія. — Обстоятельства мѣста и времени дѣйствія разсказа. — Бытовые подробности. — Общественная среда, въ которой могла возникнуть дума. — Поводъ къ составленію думы.

Основной планъ думы отличается совершенною простотою и ясностью. Мѣсто дѣйствія—«дикое поле», какъ говорили въ старину, т. е. пустынная въ старину мѣстность теперешнихъ донской области и екатеринославской губерніи, и въ ней только три дѣйствующихъ лица, три брата родные: два старшихъ,—всадники, и третій, младшій, — пѣшій, сдѣлавшіе побѣгъ изъ Азова, изъ турецкой неволи, къ берегамъ р. Самары и далѣе, на свою родину, куда нибудь въ глубь лѣвобережной Украины. Старшіе оставили младшаго въ степи, и онъ погибъ въ ней съ голоду.

Основной планъ
думы.

При опредѣленіи времени, въ которое могла возникнуть дума, слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующія данныя и соображенія: Во 1-хъ, городъ Азовъ, что теперь посадъ на лѣвой сторонѣ устья Дона, древне-греческая колонія Танаисъ, генуэзская Тана, завоеванъ у генуэзцевъ турками и обращенъ въ укрѣпленіе подъ именемъ Азака въ 1475 г. А такъ какъ въ думѣ

Время ея происхожденія.

Азовъ является уже турецкимъ городомъ, то изъ этого и слѣдуетъ, что дума не могла сложиться раньше упомянутаго года, слѣдовательно, вообще, раньше конца XV-го вѣка. Во 2-хъ, въ думѣ нашей степь между азовскимъ моремъ и р. Самарою изображается совершенно еще безлюдною пустынею, по которой лишь отъ времени до времени бродятъ татарскія орды и шайки изъ крымцевъ и ногайцевъ. А такъ какъ намъ извѣстно, что съ конца XVI-го вѣка уже начинаютъ появляться на р. Самарѣ запорожскія паланки, т. е. укрѣпленныя населенныя мѣста съ ихъ околицами ⁸⁾, то изъ этого и слѣдуетъ, что дума наша, въ своемъ первоначальномъ видѣ, не могла уже сложиться позже этого времени, т. е. позже конца XVI-го вѣка. Изъ этихъ соображеній вытекаетъ, что дума могла первоначально сложиться лишь въ промежутокъ времени, въ теченіи столѣтія, съ конца XV-го по конецъ XVI-го вѣка. (°)

Земля турецкая
и городъ Азовъ
съ прилегающею
къ нему мѣст-
ностью.

Въ думѣ прежде всего упоминается *Земля турецкая, бусурманская, иначе Туреччина (Ник.)*, къ территории которой принадлежалъ тогда и упоминаемый въ думѣ городъ *Азовъ*. Городъ Азовъ, теперь посадъ, лежитъ, какъ сказано, на лѣвой сторонѣ устья Дона. Лѣвый берегъ Дона, при нижнемъ теченіи рѣки, совершенно низменъ и представляетъ необозримую, богатую пастбищами равнину, которая извѣстна теперь подъ именемъ «задонской степи». Мѣстами по ней распространены песчаные пространства и солонцы. Правый берегъ Дона, при нижнемъ теченіи рѣки, вообще возвышенъ и изрѣзанъ множествомъ короткихъ и глубокихъ овраговъ и балокъ, но выше Ростова и правый берегъ становится низменнымъ.

Крымцы и но-
гайцы. Азовская
степь и азовская
орда.

Кромѣ того, въ думѣ упоминаются *Крымцы и ногайцы (Ник., Кряк.)*, *азовская орда (Кол., Вер.)*, *азовская*

степь (Срезн.). Малые ногаи въ XVI-мъ в. кочевали на восточной сторонѣ азовскаго моря. Въ царствованіе Бориса Годунова (1598—1604) Казыевъ улусъ ногаевъ держался близъ Азова и зависѣлъ отъ турокъ и крымцевъ ⁽¹⁰⁾. По всей вѣроятности, подъ азовскою ордою въ нашей думѣ слѣдуетъ разумѣть именно этихъ ногаевъ, подъ азовскою степью—упомянутую выше задонскую степь. Крымцы, кромѣ собственно полуострова Крыма, кочевали и вообще къ сѣверу отъ полуострова, на западной сторонѣ азовскаго моря.

Затѣмъ въ думѣ нашей упоминаются рѣчки Міусъ, Крымка и Савуръ-могила. Р. *Міусъ* (у Кост., у Кол. испорчено въ *мелюсы*, у Манжуры, въ Малорусскихъ нар. преданіяхъ и разсказахъ и въ Кн. Б. Ч.—*Міусъ*) впадаетъ въ т. н. міусскій лиманъ азовскаго моря. *Крымка* (у Крюк. и въ Кн. Б. Ч. теперь — *Крымка*, или *Крынка*,—правый притокъ Міуса. Міусъ и Крынка протекаютъ по склону донецкой плоской возвышенности, которая наклонена отъ сѣвера къ югу, къ берегамъ азовскаго моря. Южная часть этого склона заканчивается низменностью, которая, какъ и вообще берега азовскаго моря, покрыта наносными песками.

Міусъ и Крымка. Донецкая возвышенность.

Савуръ-могила, о которой упоминается въ нашей думѣ, тоже не есть что либо вымышленное. Она существуетъ подъ тѣмъ же именемъ и въ настоящее время въ міусскомъ округѣ донской области, между Міусомъ и Крынкой, при истокѣ рѣчки Камышевахи, лѣваго притока рѣчки Саустьяновки, впадающей съ лѣвой стороны въ Крынку. Это—отдѣльный природный холмъ, или, точнѣе сказать, гора конической формы, одна изъ возвышенностей донецкаго края; она достигаетъ 50 фут. По народному разсказу, Савуръ-могила высока потому,

Савуръ-могила и прилегающая къ ней местность.

что «на могилѣ стоитъ еще могила» ¹¹⁾. Кобзарь Остапъ Вересай замѣтилъ о Савурь-могилѣ: «говорятъ тѣ, что ходятъ въ Ростовъ или Марнополь (Маріуполь), что за два дня или за три ее видать, пока дойдешь къ ней» ¹²⁾. Такъ какъ гора эта находится за Міусомъ, на прямомъ пути изъ Азова къ верхнему теченію рр. Крынки и Кальміуса, слѣдовательно на томъ пути, по которому уходили изъ неволи азовскіе братья, то и никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что, говоря о Савурь-могилѣ, наша дума упоминаетъ объ этой самой горѣ, а не о какой—либо другой ¹³⁾. Міусъ и Крынка и, вообще, всѣ многочисленныя рѣчки этой мѣстности имѣютъ берега каменистые и дно частью каменистое, частью песчаное, а потому вода въ нихъ очень чиста, здорова и пріятна на вкусъ. Растительность, вообще назначительная на открытой поверхности донецкой возвышенности, становится роскошною въ долинахъ и по берегамъ рѣкъ. Говоря о *здоровыхъ водахъ, зеленыхъ травахъ и удобныхъ камышахъ*, дума наша, конечно, и имѣетъ въ виду эту благодатную мѣстность у Савурь—могилы.

Азовскій судовой путь.

Изъ внимательнаго сопоставленія географическихъ данныхъ, представляемыхъ нашею думою, дѣлается до очевидности прозрачнымъ, что азовскіе братья совершили значительную часть своего странствія по направленію извѣстнаго еще съ глубокой, домонгольской древности судового пути изъ азовскаго моря въ Днѣпръ. По свидѣтельству Боплана ¹⁴⁾, запорожцы, кромѣ Днѣпра, имѣли еще и другой путь изъ чернаго моря въ свою войсковую скарбницу (кладовую, казнохранилище, січу), которая была у нихъ тогда на р. Чертомлыкѣ ¹⁵⁾. Изъ чернаго моря, говоритъ онъ, они входятъ въ азовское, изъ азовскаго моря они плывутъ вверхъ по Міусу, покуда можно, а

дальше отъ сей рѣки до Волчьей воды, т. е. теперешней Волчьей, около мили идутъ волокомъ. Волчья вода впадаетъ въ Самару ¹⁴⁾, а Самара изливается въ Днѣпръ выше Кайдака ¹⁵⁾. Несомнѣнные историческія свидѣтельства удостовѣряютъ насъ въ томъ, что въ XVI и XVII вв. подъ Міусомъ подразумѣвалась не теперешняя рѣчка Міусъ, но теперешняя рѣчка Кальміусъ, лѣтописная Калка, впадающая въ азовское море у Мариуполя (гдѣ была запорожская кальміусская паланка), слѣдовательно западнѣе впаденія теперешняго Міуса, а слѣд. и подъ Міусомъ у Боплана слѣдуетъ разумѣть не тепер. Міусъ, но тепер. Кальміусъ ¹⁶⁾. Верхнее теченіе Кальміуса дѣйствительно очень близко подходитъ къ верхнему теченію Волчьей, въ особенности оно сближается съ лѣвымъ притокомъ Волчьей — Лозовой. Вотъ тутъ-то гдѣ нибудь, приблизительно, напр., между теперешними слободами Елено-Александровкой, на пр. берегу Кальміуса, и Михайловкой на Лозовой, въ южномъ углу бахмутскаго уѣзда, гдѣ теперь заводъ Юза, и былъ волокъ на протяженіи около мили, по которому дюжіе запорожскіе рыцари и перегаскивали свои челны изъ Кальміуса въ Волчью и обратно ¹⁷⁾. По направленію этого судового пути существовала, какъ это видно изъ нашей думы, и сухопутная дорога ¹⁸⁾.

На югѣ Россіи слово *байракъ*, постояннымъ эпитетомъ котораго является слово «зеленый», означаетъ, съ одной стороны, ложбину, покрытую обильною, роскошною, могучею и привольною растительностью, съ другой стороны — самую эту растительность. Изъ растений въ частности въ думѣ упоминаются зеленныя *травы*, *очереты*, или *камышы* *терновые кустарники*, или *терны*, и зеленныя *яворы*. ¹⁹⁾ Говоря о балкахъ, тернахъ и вообще зеленыхъ Растительность

Байраки.

въ долинахъ Ми-
уса, Крынки и
Кальміуса.

Лѣсъ вблизи Са-
вуръ-Могины и
Волчьей.

Условія бѣгства
по байракамъ.

Муравская до-
рога.

байракахъ, дума, конечно, имѣетъ въ виду и изображаетъ вообще рѣчныя долины Міуса, Крынки, Кальміуса и отчасти Волчьей. По рр. Міусу, Крынкѣ и Кальміусу, между скалами и оврагами, именно много такихъ буераковъ, т. е. ложбинъ, покрытыхъ растительностью. Вблизи Савуръ-могины ростъ когда то дубовый лѣсъ²²⁾. Что касается р. Волчьей, называвшейся въ старину «Волчья вода», или во множ. числѣ: «Волчьи воды», то этотъ лѣвый, значительнѣйшій изъ всѣхъ, притокъ Самары беретъ начало на донецкой плоской возвышенности и протекаетъ по ровной степи, въ которой вырѣзываетъ себѣ глубокое русло. Эта углубленная въ степи долина рѣки имѣетъ отъ 1 до 3 верстъ ширины и также изрыта балками и не лишена растительности²³⁾.

Путь по берегамъ рѣчекъ, по балкамъ, тернамъ и байракамъ представлялъ для братьевъ немало выгодъ. Они на немъ легко и удобно могли, во 1-хъ скрываться, отъ погони; во 2-хъ, добывать себѣ воду и пищу, такъ какъ эти мѣста изобиловали тогда и рыбой, и птицей²⁴⁾; наконецъ, на этомъ же пути они могли встрѣтить и своихъ соотечественниковъ, ходившихъ иногда въ эти дикія мѣста для рыбнаго и звѣрнаго промысла и для добычи соли²⁵⁾.

Вслѣдъ за упоминаніемъ о рр. Міусѣ и Крынкѣ, о балкахъ, тернахъ и зеленыхъ байракахъ, въ думѣ нашей выступаетъ въ общихъ чертахъ упоминанье о *перепутьи*, гдѣ перекрещивались, расходясь въ разныя стороны, большія дороги «роходніи», какъ называетъ ихъ дума, и затѣмъ, вслѣдъ за *полями*, какъ бы передѣсками, выдвигается картина совершенно открытой, возвышенной *муравской степи* съ пролегающею по ней большой *муравской дорогой*²⁶⁾.

Пресловутый старинный большой *муравский шляхъ*, или трактъ получилъ свое имя, какъ думаютъ, отъ стариннаго города, теперешней слободы *Мурахвы*, богодуховскаго у. харьк. губ., мимо котораго онъ проходилъ ²¹⁾. Дорога эта шла изъ крымскаго царства въ московское государство и проходила чрезъ теперешнюю губернію таврическую, чрезъ александровскій и павлоградскій уѣзды екатеринославской, затѣмъ чрезъ губерніи харьковскую, орловскую и тульскую. Это та самая дорога, по которой хаживали орды крымцевъ изъ Перекопа для разоренія московскаго государства. Дорога эта описана очень подробно въ Книгѣ большого чертежа; урочища, по которымъ направлялась она, сохранили свои названія по большей части и понынѣ, и самая дорога эта еще и до сихъ поръ извѣстна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ именемъ *Муравки*. Отъ Перекопи она шла къ верхнему теченію р. Конки, проходи близъ тепер. села Конскіе Раздоры александр. у.; затѣмъ, пересѣвши р. Волчью, она проходила по т. н. Злодійской Балкѣ, близъ тепер. села Гавриловки, александр. же уѣзда, и направлялась мимо т. н. Гончаровой балки у тепер. села Славянки павлогр. у., на р. Быкъ, къ верхнему теченію р. Самары и далѣе ²²⁾.

Изъ соображенія этихъ географическихъ данныхъ дѣлается яснымъ, что перепутье, о которомъ упоминаетъ наша дума,—это тотъ пунктъ, въ которомъ дорога, шедшая по направленію теченія Кальміуса и Волчьею, пересѣкалась муравскою дорогой, шедшею отъ верховья Конки къ верхнему теченію Самары. Это перепутье и было, какъ надо полагать, гдѣ нибудь въ окрестностяхъ тепер. села Гавриловки ²³⁾.

Перепутье.

Рѣка Самара и
прилегающая
к ней мѣстность.

Наконецъ, въ думѣ нашей упоминается р. Самара, которая въ разныхъ варьянтахъ, называется то Самарью (Срезн., Кост.), то Самарой (Колыб.), то Самарской рѣкой (Макс.), а въ Книгѣ Б. Ч. — Самарѣ (Самарь). Упоминается въ думѣ о Самарскихъ лѣсахъ (Срезн.) и степяхъ (Макс.).

По Самарѣ, какъ извѣстно, и теперь тянется, довольно сплошная полоса лѣсовъ ³⁰⁾. По правой, или сѣверной сторонѣ Самары замѣтны возвышенія. Здѣсь, за Самарой, прекращалась уже дикая, безлюдная степь и начиналась уже, какъ выражаются думы, «земля христіанская, тихія воды, ясныя зори, край веселый, міръ крещеный». По лѣвой, или южной сторонѣ теченія Самары, верстѣ на 15-ть, простирается равнина, изрѣдка перерѣзанная балками и маловодная. Эта-то, конечно, равнина, прилегающая къ Самарѣ, и названа въ думѣ *самарскою степью*.

Муравская
степь.

Пространство между рр. Волчьей и Самарой, гдѣ проходила муравская дорога, представляетъ собою безлѣсную, обнаженную степь, мѣстами пересѣченную глубокими балками. Въ ней и теперь замѣчается недостатокъ въ водѣ, и жители принуждены довольствоваться по большей части колодцами ³¹⁾. Вотъ эта-то степь, по всей вѣр., и названа въ думѣ нашей *муравскою степью*. Встарину странствовавшимъ по этой степи, какъ это видно изъ думы, грозило безхлѣбье и безводье.

Путь азовскихъ
братьевъ.

Теперь, имѣя въ виду указанные нами географическія данныя, намъ не трудно прослѣдить весь путь азовскихъ братьевъ. Братья бѣжали изъ Азова сперва по *азовской степи*, по лѣвой сторонѣ устья Дона, вверхъ по теченію этой рѣки, затѣмъ, перебравшись на правую сторону Дона, они направились

къ долину тепер. *Миуса*, гдѣ начинались байраки, и достигли *Савуръ-Могилы* и р. *Крынки*. Затѣмъ изъ бассейна тепер. *Миуса* они перебрались въ долину другого, стариннаго *Миуса*, т. е. теперешняго *Кальмиуса*, въ его верхнемъ теченіи, и стали придерживаться направленія описаннаго нами выше азовскаго судового пути, т. е. бѣжали по берегамъ *Кальмиуса*, затѣмъ по козацкому волоку, затѣмъ по берегамъ *Волчьей*, мимо теперешнихъ слободъ *Андреевки* и *Алексѣевки*, *бахмут. уѣзда*, до того *перепутья*, гдѣ *Волчья* пересѣкалась муравскою дорогой, близъ теп. слободы *Гавриловки*. Достигши этого перепутья, братья вступили на большую муравскую дорогу, и два старшихъ брата, конные, достигли по ней верхняго теченія р. *Самары*, за которою уже простиралась, какъ сказано, земля христіанская, и, переѣхавши чрезъ *Самару*, отправились дальше, на свою родину, куда нибудь въ глубь *Полтавщины* или *Черниговщины*. Что касается младшаго брата, пѣшаго, то онъ, покинутый старшими, погибъ съ голу вѣ открытой степи, на муравской дорогѣ, девятый день оставаясь безъ хлѣба.

Теперь сообразимъ слѣдующія данныя. Отъ *Азова*, если ѣхать въ обходъ донскихъ гирлъ, на *Ростовъ*, до *Савуръ-могилы* верстъ 135; отъ *Савуръ-могилы* до упоминаемаго въ думѣ перепутья у теп. слободы *Гавриловки* 156 верстъ, отъ перепутья до р. *Самары*, въ ея верхнемъ теченіи, приблизительно верстъ 60. Если младшій братъ дѣлалъ, какъ это обыкновенно бываетъ при подобныхъ пѣшихъ хожденіяхъ, около 25 верстъ въ день, и если предположить, что хлѣба, которымъ могли снабдить его братья, у него не хватило уже у *Савуръ-могилы*, то и выйдетъ, согласно съ показаніемъ думы,

Мѣсто гибели
младшаго брата.

что онъ погибъ гдѣ-нибудь на муравской дорогѣ, въ пространствѣ между Волчьей и Самарой, лишь немного не дотащившись до Самары.

Время года, изоб-
ражаемое въ
думѣ.

Относительно времени года, въ которое происходитъ дѣйствіе разсказа, дума не оставляетъ, кажется, ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ ней упоминается о *большомъ синемъ туманѣ*, тучахъ и дождяхъ нависшихъ надъ Азовомъ, о *холодной ночи* на р. Самарѣ, о *буйныхъ вѣтрахъ*, о появленіи *сизой ласточки*, наконецъ, упоминается о сырыхъ корняхъ старой травы (*нежеръ*) и, не разъ, о черномъ пепелищѣ, оставляемомъ степными пожарами, и о самыхъ этихъ пожарахъ.

Вѣсные туманы
и дожди на азов-
скомъ морѣ.

На азовскомъ морѣ среднее направленіе вѣтровъ — югозападное; вѣтры бываютъ сильны и продолжительны и всегда сопровождаются дождемъ и туманомъ именно весной ³¹⁾.

Появленіе ла-
сточки.

По народнымъ поэтическимъ представленіямъ, основаннымъ, конечно, на наблюденіяхъ природы, ласточка появляется изъ южныхъ странъ и несетъ съ собою тепло весною около 25 марта ³²⁾. Кстати замѣтить, что изъ птицъ, кромѣ ласточки, въ думѣ упоминаются сизокрылые орлы и мелкая хищная птица (*Срезн. Кост.*), изъ звѣрей — *сырые волки*.

Степные пожа-
ры.

Степные пожары, пожоги, или палы, пускаются, какъ извѣстно, въ степныхъ мѣстахъ обыкновенно раннею весною, какъ только сойдетъ снѣгъ и станетъ обсыхать прошлогодняя трава, т. е. *нежеръ*, или ветошь ³³⁾, которая зажигается для того, чтобы она не мѣшала росту новой травы. Сначала опаленныя мѣста представляютъ видъ чернаго пепелища, но скоро сквозь это пепелище начинаетъ пробиваться яркая, свѣжая зелень новой травы. Въ приазовскихъ

степяхъ палы производились, надо полагать, крымцами и ногайцами, такъ какъ для этихъ кочевниковъ-скотоводовъ, имѣвшихъ здѣсь свои кочевья, очень важно было имѣть хорошее пастбище.

Всѣ упомянутые признаки, взятые въ ихъ совокупности, съ совершенною ясностью указываютъ намъ на то, что бѣгство братьевъ происходило раннею весною.

Общій выводъ о времени года.

Конечно, туманные дни и темныя ночи, о которыхъ упоминаетъ наша дума, какъ нельзя лучше, выбраны были братьями для ихъ побѣга и, какъ нельзя болѣе благоприятствовали ихъ бѣгству, дѣлая успѣхъ преслѣдованія маловѣроятнымъ. Что же касается степныхъ пожаровъ, то едва ли они представляли неодолимое препятствіе и особенную опасность для всадниковъ. Палы эти не охватывали, конечно, всего громаднаго степного пространства, по которому пришлось проѣзжать братьямъ, но распространялись по степи, въ разныхъ ея мѣстахъ, спорадически. На томъ пути, котораго держались братья, у рѣчекъ и балокъ, гдѣ росли терны и байраки, гдѣ, слѣдовательно, болѣе задерживалось влаги, эти пожары останавливались, обходя ихъ³⁵⁾. Представляя собою, конечно, нѣкоторое неудобство для братьевъ, эти степные пожары зато представляли для нихъ и громадную выгоду, препятствуя преслѣдованію ихъ, такъ-какъ у преслѣдователей едва-ли явилась бы охота, ради преслѣдованія братьевъ, подвергаться тѣмъ неудобствамъ, которымъ братья охотно подвергались ради избавленія себя отъ рабства. Не говоря ничего о неудобствахъ путешествія на коняхъ, дума наша зато съ особенною яркостью рисуетъ всѣ неудобства пѣшаго хожденія въ эту пору года по дикой степи, горечь ко-

Условіи бѣгства по степи раннею весною.

торыхъ пришлось испытать до дна младшему брату, несчастному пѣшеходу, около двухъ недѣль измѣрявшему дикую пустыню своими босыми козацкими ногамъ, изстрадавшемуся и тѣлесно и душевно и, наконецъ, погибшему отъ истощенія силъ.

Азовъ, какъ невольничій рынокъ, и татарская людоловля.

Въ думѣ есть ясное указаніе на *продажу невольниковъ изъ Азова въ далекія мѣста турецкой земли (Крлчк.)*. Азовъ, -генуэзская факторія Тана, еще въ XV в., во время генуэзцевъ, былъ однимъ изъ значительныхъ рынковъ торгова невольниками, который вообще производился въ большомъ размѣрѣ итальянцами и въ Кафѣ (Θεοδοσία), и въ Танѣ (Азовѣ)³⁶). Таковымъ онъ остался и при туркахъ, которымъ невольниковъ доставляли въ изобиліи татары У крымцевъ и ногайцевъ внезапные и стремительные набѣги въ глубь русскихъ областей для захвата врасплохъ людей и увода полоняниковъ, т. н. ясырей,—эта, такъ сказать, людоловля посредствомъ аркана и чембура, была специальнымъ промысломъ. Пѣнные разсматривались въ Крыму, какъ одно изъ главныхъ богатствъ, съ котораго ханы вносили пошлину, Часть ясырей татары оставляли у себя, а часть продавали туркамъ³⁷).

Каторга.

Кадровой потурецки, или *каторгой* порусски, называлась галера, первобытное латинское судно, почти безъ всякихъ усовершенствованій, длинное, узкое, очень низкое, двухмачтовое, идущее въ одно время и на веслахъ, и на парусахъ. Вдоль палубы судна шелъ узкій возвышенный помостъ, ниже котораго, справа и слѣва, поперекъ палубы, устроены были скамьи для гребцовъ. Три или четыре гребца на каждой скамьѣ, прикованные къ ней цѣпами, приводили въ движеніе одно весло, которое опиралось на подставку, торчавшую сверхъ палубы. По упомя-

нугому продольному помосту прохаживался надсмотрщикъ съ ременнымъ кнутомъ, ударами котораго по рукамъ и по плечамъ и понукалъ работавашихъ у ногъ его невольниковъ.

Въ виду упоминанія въ нѣкоторыхъ изъ варьянтовъ нашей думы (*Крюк.* и *Котл.*) о томъ, что братья, задумавъ побѣгъ, ушли ночью изъ *темницы*; не мѣшаетъ припомнить письменное свидѣтельство XVI в. одного очевидца, именно Михалона Литвина, который говоритъ, что «проданные татарами рабы мучатся днемъ на работѣ, а ночью въ *темницахъ*».

Темница.

Дума наша упоминаетъ, какъ о случаѣ чрезвычайномъ, экстраординарномъ, о продажѣ невольника, какъ-бы вслѣдствіе особаго жестокосердія его хозяина, на каторгу *безсрочно*. Изъ этого, стало быть, вытекаетъ, что *обыкновенно* невольники продавались на каторгу на извѣстный срокъ. И это заключеніе дѣйствительно подтверждается историческими свидѣтельствами, а именно: Герберштейнъ въ своихъ запискахъ ⁽³⁸⁾ рассказываетъ, что тѣ изъ полоняниковъ, которыхъ татары продаютъ туркамъ, принуждены пребыть въ рабствѣ цѣлыхъ шесть лѣтъ. По истеченіи же этого срока, они хотя и становятся свободными, однако не имѣютъ права уходить изъ страны. Изъ сопоставленія многихъ данныхъ, представляемыхъ думою, съ этимъ свидѣтельствомъ можно съ вѣроятностью предположить, что наши азовскіе братья воспользовались благопріятными обстоятельствами для своего побѣга на родину именно въ то время, когда, отбывши на каторгѣ свой шестилѣтній срокъ, они пользовались уже въ нѣкоторой степени свободою. А если это такъ, то изъ этого можно вывести также и то, что младшій изъ

Срокъ рабства

нихъ былъ уведень татарами еще мальчикомъ, лѣтъ 12-ти, 14-ти.

Потурнаки.

Въ думѣ есть косвенный намекъ на то, что турки благопріятно относились къ тѣмъ полоняникамъ изъ христіанъ, которые принимали исламъ (*Крячк.*). Многочисленныя историческія свидѣтельства указываютъ намъ на то, что матеріальное положеніе такихъ отступниковъ становилось гораздо завиднѣе положенія невольниковъ; ихъ дѣлали обыкновенно надсмотрщиками надъ невольниками, ихъ же земляками и прежними единовѣрцами. Но зато въ христіанахъ эти, какъ выражаются казацкія думы, *потурнаки*, или *недовѣрки христіанскіе*, которые свою вѣру подъ ноги топтали, которые турчилились, бусурманились ради *панства* большого, ради *лакомства* несчастнаго, т. е. изъ—за матеріальныхъ вожделѣній, возбуждали глубокое отвращеніе, и ихъ ненавидѣли гораздо больше, нежели самихъ турокъ. Это, въ свою очередь, ожесточало потурнаковъ, вслѣдствіе чего они обходились съ невольниками съ особеннымъ звѣрствомъ.

Янычары.

Янычарами (*Ник., Котляр.*) назывался корпусъ отборнаго турецкаго войска, составлявшійся изъ плѣнныхъ христіанскихъ, разныхъ націй, мальчиковъ, которымъ турки давали спеціально-военное воспитаніе, и которые воспитывались притомъ въ особенной фанатической ненависти къ христіанамъ.

Снаряженіе
братьевъ.

Дорожное снаряженіе старшихъ братьевъ было добыто ими у турокъ и называется въ думѣ *добычей* (добычь) и турецкимъ *доброю*. У нихъ были турецкія лошади, тяжелыя, оправленные въ золото и серебро сѣдла, булатныя сабли, длинныя пищали³⁹⁾. По представленію на-

шей думы, кафтаны на братьяхъ были изъ шелковой матеріи зеленаго цвѣта съ подкладкой изъ желтой китайки ⁴⁰⁾. Но такъ какъ дѣло было раннею весною, то слѣдуетъ полагать, что была на нихъ и верхняя одежда, что нибудь въ родѣ бурокъ или плащей. И дѣйствительно, въ одномъ изъ варьянтовъ (*Крюк.*) мы встрѣчаемъ намекъ на *кирею* (читая *кира*—китайка ?), а въ другомъ — упоминаніе о шатѣ (*Котл.*) ⁴¹⁾. Одежда братьевъ называется въ думѣ вообще дорогою, богатою, прекрасною одеждою. Когда старшіе братья прибыли на родину, домой, то отецъ и мать подумали, не вымѣняли ли они этой одежды у янычаръ, которые наряжались съ особенною пышностью.

Въ нашей думѣ младшій братъ проситъ своихъ старшихъ братьевъ взять его *межъ коней* ⁴²⁾. Обыкновенно понимаютъ и комментируютъ это выраженіе такъ, что онъ просилъ у нихъ позволенія «подсаживаться попеременно то къ одному, то къ другому» ⁴³⁾. Но это едва ли такъ. Кажется, что между двумя лошадьми прикрѣплялось что нибудь въ родѣ рюда или ковра, и въ такомъ-то помѣщеніи, въ родѣ зыбки, и могли два всадника везти третьяго человѣка. На подобный экстренный способъ перевозки двумя всадниками третьяго человѣка не разъ намекаютъ разные историческія свидетельства. Такъ, напр., воскр. лѣтопись рассказываетъ, что во время пожара, бывшаго въ Твери въ 1537 г., «владыку Акакія промежъ дву конь едва изъ града умчаша» ⁴⁴⁾.

Крячковскій кобзарь называлъ нашу думу, какъ, впрочемъ, и думу о бурѣ на черномъ морѣ и другія, *невольницкою*, изъ чего, какъ, впрочемъ, и изъ самой сущности ея содержанія, можно вывести

Въ дѣлѣ „межъ коней“.

Среда, въ которой могла возникнуть дума.

заключеніе, что эта дума, могла зародиться и возникнуть въ средѣ людей, побывавшихъ въ турецкой неволѣ, близко съ нею знакомыхъ, успѣвшихъ тѣмъ или другимъ способомъ отъ нея избавиться и хорошо знакомыхъ съ дикою степью.

Поводъ къ составленію думы.

Едва ли одинъ лишь какой либо на самомъ дѣлѣ происшедшій случай или фактъ подалъ поводъ къ составленію нашей думы. Случаи побѣговъ изъ турецкой неволи несомнѣнно были; намъ документально извѣстно о нѣкоторыхъ изъ такихъ побѣговъ, и именно изъ Азова, въ XVII вѣкѣ. Если они были въ XVII в., то, конечно, могли быть и раньше. Само собою разумѣется, что при такихъ побѣгахъ, въ виду ужасовъ, внушаемыхъ турецкой погоней, переходомъ чрезъ дикую степь и татарской людоловлей на ней, каждый изъ бѣглецовъ, по инстинкту самосохраненія, долженъ былъ заботиться лишь о себѣ. Тутъ-то, какъ и при всякихъ подобныхъ критическихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, и могла проявиться вся натура человѣка: тутъ-то и могли, какъ нельзя открытѣе, проявиться какъ эгоистическія наклонности, при обыкновенныхъ условіяхъ жизни обыкновенно маскируемыя, такъ и возвышенныя человѣческія чувства и стремленія; тутъ-то и было мѣсто и для проявленія безсердечности, и для проявленія взаимной помощи, любви и состраданія къ ближнему, наконецъ—самопожертвованія, козацкаго героизма. Вотъ этимъ-то бытовымъ матеріаломъ, этимъ трагизмомъ положенія бѣглецевъ и вызываемою имъ борьбою противоположныхъ чувствъ и стремленій и воспользовалось народное творчество для концепціи нашей думы, для постановки и обрисовки характеровъ ея, для проведенія въ среду слушателей извѣстной общей мысли и нравоучительной тенденціи.

III

Основная часть думы.

Пересказъ основной части думы : А) Братья въ азовской степи ; В) Старшіе братья въ зеленыхъ байракахъ ; В) Старшіе братья на муравской дорогѣ ; Г) Младшій братъ въ зеленыхъ байракахъ ; Д) Младшій братъ на муравской дорогѣ. — Обрисовка старшаго, средняго и младшаго братьевъ въ основной части думы. Выступленіе личности пѣвца. Общее заключеніе объ основной части думы.

А.

Братья въ азовской степи.

Надъ городомъ надъ Азовомъ поднимался большой синій туманъ, надвинулись черныя тучи и стали накрапывать мелкіе дожди ¹³).

Туманъ.

Вотъ тогда-то два брата родные, два товарища сердечные, изъ земли турецкой, отъ народа бурсманскаго, изъ города Азова, изъ тяжелой неволи, въ землю христіанскую, къ отцу, къ матери и къ своему роду-племени уѣзжали, а своего младшаго брата покидали ¹⁴).

Побѣга братьевъ.

Два брата старшихъ — оба конные, а третій братъ, меньшій, — пѣшій пѣшеходецъ, будто межъ ними чужой чужанинъ.

Братья конными и пѣшій.

Бѣжитъ — поспѣшаетъ онъ за конными, спотыкается о бѣлые камни, о сырые корни старой травы, наступаетъ на черное пожарное пепелище, бьетъ, рѣжетъ и опаляетъ свои босые козацкія ноги, кровью орошаетъ свой слѣдъ *)).

Трагическій
разговоръ меж-
ду младшимъ и
старшими
братьями.

Вотъ онъ догоняетъ конныхъ братьевъ и умоляетъ ихъ такими словами: «Братья мои милые, братья любезные! Прошу я васъ, остановитесь, хоть немного подождите, сжаьтесь надо мною, сдѣлайте доброе дѣло, сбросьте съ коней тяжелыя ваши сѣдла и лишнюю добычу, возьмите меня межъ коней, доведите меня къ отцу, къ матери, а не то—хоть немного, хоть одну милую подведите и дорогу мнѣ укажите, пускай и я буду знать, куда за вами въ христіанскіе города идти!».

Средній братъ, слыша это, обращается къ старшему и спрашиваетъ его объ этомъ. Старшій отвѣчаетъ ему гордо: «Развѣ мнѣ это прилично, чтобы я свое добро турецкое на дорогу выбрасывалъ и его, ненужную кладь, на коня бралъ? При томъ — у насъ кони плохіе, если мы его возьмемъ, то только ихъ истомимъ. Когда погоня изъ Азова будетъ преслѣдовать насъ, мы и сами не уйдемъ и его не спасемъ. Насъ погоня непремѣнно настигнетъ, пострѣляетъ, изрубитъ въ куски, или—что еще хуже—возьметъ насъ живьемъ, будетъ насъ мучить, и заворотятъ насъ опять въ турецчину, и придется намъ въ еще горчайшей, чѣмъ прежде, неволѣ пропадать. Когда, Богъ дастъ, онъ живъ-здоровъ бу-

детъ, то и пѣшкомъ въ христіанскую землю дой-
детъ» ⁴⁸⁾).

Но младшій братъ, слыша это, втискивается
промежъ ихъ коней, цѣпляется руками за стремяна,
горько рыдаетъ, обливается дробными слезами и го-
ворить братьямъ: «Если не хотите и немного по-
дождать и взять меня межъ коней, то сдѣлайте мнѣ
хоть послѣднюю милость, не оставляйте меня въ пи-
щу звѣрю и птицѣ, поворотите коней противъ меня,
снесите мнѣ голову съ плечъ булатными саблями и
схороните тѣло мое здѣсь, въ степи, при дорогѣ». Средній братъ отвѣчаетъ на это младшему: «Ты
говоришь такъ, будто наши сердца ножомъ про-
биваешь; наше козацкое сердце на такое дѣло не
отважится, наша козацкая рука на тебя не поды-
нется». Старшій братъ прибавляетъ къ этому:
«Этого, братъ, мы отроду нигдѣ не слыхивали, что-
бы кто, прощаясь съ родичемъ, саблю свою его
кровью обмывалъ или чтобы острымъ копьемъ его
цѣловалъ!» ⁴⁹⁾.

Промолвивши это, конные братья помчались, а
младшаго брата оставили на дорогѣ, въ открытой
азовской степи, подъ яснымъ солнцемъ и буйнымъ
вѣтромъ ⁵⁰⁾.

Оставленіе
старшими млад-
шаго.

Б.

Старшіе братья въ зеленыхъ байранахъ.

Вскорѣ достигли конные братья до рѣчки Міу- Прибытіе стар-
са, до балокъ, терновыхъ кустовъ и зеленыхъ бай- шихъ къ Са-
вуръ-Могилъ.

раковъ и прибыли къ Савуръ-могилѣ и рѣчкѣ Крымкѣ ¹¹⁾).

Разговоръ ихъ
о привалѣ и о-
божданіи млад-
шаго брата.

Сталъ говорить средній братъ старшему: «Братецъ мой старшій, родненькій! Прошу я тебя вотъ о чемъ: теперь хотъ и будетъ насъ погоня догонять, то тутъ мы въ байракахъ можемъ спря- таться, и она насъ и не замѣтитъ; тутъ травы зе- леныя, воды здоровыя, камыши удобныя; остано- вимся-ка здѣсь, отдохнемъ хотъ немного, хотъ не- много коней своихъ попасемъ, водой ихъ напоимъ; хотъ немного подождемъ меньшого брата, а не то -- коротимся-ка назадъ, возьмемъ его межъ коней, под- веземъ его хотъ немного, дорогу ему укажемъ, пу- скай и онъ будетъ знать, куда за нами въ христі- анскую землю идти!».

Старшій братъ отвѣчаетъ ему на это: «Развѣ мало еще далась тебѣ знать турецкая каторга, раз- вѣ мало еще вѣзлисъ тебѣ въ руки сырые ремни турецкаго кнута, что ты хочешь время понапрасну тратить, чтобы насъ погоня настигла? Лучше бу- демъ поспѣшать поскорѣе домой одни» ¹²⁾).

Разговоръ ихъ о
бросаніи въ-
токъ.

Услыша это, сталъ говорить средній братъ старшему: «Ну, такъ хотъ будемъ мы, по крайней мѣрѣ, рубить саблями верхушки терновыхъ вѣтокъ да зеленыхъ яворовъ, оставлять брату козацкую примѣту, чтобы зналъ онъ, куда за нами бѣжать!».

Старшій братъ отвѣчаетъ ему на это: «Ты, братъ, глупый разумъ имѣешь: если мы будемъ оставлять за собою примѣту, то насъ будутъ крымцы да но-

гайцы ныслѣживать и досонять; онъ спрячется гдѣ-нибудь въ балкѣ, въ терновыхъ кустахъ и зеленыхъ байракахъ, и его, пѣшаго, и не замѣтятъ, когда онъ будетъ тамъ отдыхать, а насъ, конныхъ, непременно замѣтятъ и найдутъ. Когда, Богъ дастъ, онъ живъ-здоровъ будетъ, то и безъ всякихъ нашихъ примѣтъ домой дойдетъ »³³⁾.

Но средній братъ имѣетъ милосердіе: онъ отъ времени до времени отстаеъ понемногу отъ старшаго, сворачиваетъ съ дороги набокъ, рубить саблею верхушки терновыхъ вѣтокъ, зеленыхъ яворовъ, разбрасываетъ ихъ по дорогѣ, оставляетъ пѣшему брату козачку примѣту, чтобы зналъ онъ, куда за ними бѣжать³⁴⁾.

Бросаніе вѣтокъ среднимъ.

В.

Старшіе братья на муравской дорогѣ.

Потомъ стали старшіе братья оставлять балки, терновые кусты и зеленые байраки, стали они выбираться на поляны, на высокія, открытыя степи, достигли они перепутья, гдѣ перекрещиваются и расходятся въ разныя стороны большія дороги «росходніи», вышли они на муравскую степь, вступили на большую муравскую дорогу. Нѣтъ уже ни балокъ, нигдѣ не видать уже ни одного кустика, впереди ихъ только степь чернѣетъ и колеблется, будто море; на ней трава зеленая зеленѣетъ; нечѣмъ уже оставлять примѣту³⁵⁾.

Выздѣ старшихъ на муравскую дорогу.

Разговоръ яхъ
о бросаньи кус-
ковъ подкладки.

Говорить средній братъ старшему : «Вотъ что мнѣ, братецъ, пришло на мысль : будемъ-ка мы изъ-подъ своихъ зеленыхъ шелковыхъ кафтановъ желтую китайку выдирать, да своему брату пѣшему на примѣту видать, чтобы онъ, бѣдняга, зналъ, куда за нами бѣжать. Старшій братъ гордо ему на это отвѣчаетъ: «Развѣ это мнѣ прилично, чтобы я свое добро турецкое на куски рвалъ? Ну, какъ же я безъ одежды къ отцу, къ матери въ гости явлюсь, что имъ въ гостинецъ привезу? Когда я прїѣду домой въ дорогой, прекрасной одеждѣ, будутъ меня ближніе сосѣди уважать и почитать, будутъ при встрѣчѣ со мною шапки снимать, низко кланяться и къ себѣ въ гости на хлѣбъ, на соль зазывать. Если же я подкладку изъ-подъ кафтана выдеру, то когда намъ Богъ дастъ домой прибыть, въ чемъ же я среди бѣлолицыхъ дивчатъ и молодежи появлюсь?» ⁵⁶).

Бросанье кус-
ковъ подкладки
среднимъ.

Но средній братъ не обращаетъ на это вниманія: онъ хотъ одинъ только кафтанъ, тотъ, что на немъ былъ, имѣлъ, однако, онъ отъ своего брата понемногу отстаеъ, встаетъ съ коня, рвстъ—выдираетъ подкладку изъ-подъ кафтана и своему пѣшему брату по большой муравской дорогѣ кладетъ—разстиляетъ. А старшій братъ это видитъ и средняго брата на смѣхъ подымаетъ : «Должно быть, говоритъ, у тебя бабій, короткій разумъ, что ты, по своей глупой охотѣ, на себѣ прекрасную одежду истребляешь!» ⁵⁷).

Угрозы старша-
го среднему и

И бѣжали конные братья не день, не два, не три

и не четыре. Сталъ говорить средній братъ старшему: измышленіе имъ
отвѣта родите-
лямъ.

«Когда, братъ, прибудемъ домой, къ отцу, къ матери, и когда они насъ начнутъ спрашивать о своемъ сынѣ, о нашемъ младшемъ братѣ, то какой мы имъ отвѣтъ дадимъ, что имъ будемъ рассказывать о младшемъ братѣ?» И отвѣчаетъ старшій братъ среднему гордо, съ угрозой: «Если ты еще дольше будешь за младшимъ братомъ жалѣть, то я снесу тебѣ саблей голову съ плечъ. Развѣ ты не понимаешь, что если младшій братъ домой съ нами придетъ, то отецъ и мать нашу батьковщину на три части раздѣлятъ и мы втроемъ только постоянно спорить между собою будемъ. Если ты согласенъ заодно со мною передъ отцемъ и передъ матерью отвѣтъ отдать, то я съ тобою нашею батьковщиною подѣлюсь; если же ты думаешь отцу и матери отвѣтить прежде меня, по своему, то я снесу тебѣ голову съ плечъ и изрублю тебя въ куски; тогда я и одинъ дойду къ отцу и къ матери и самъ буду знать, какой отвѣтъ имъ дать. Неужто ты не можешь догадаться, что отцу и матери слѣдуетъ отвѣтить? Скажемъ, что мы не въ одной неволѣ были, не у одного хозяина служили, уходили изъ темницы въ ночную пору, забѣгали и къ нему и говорили ему: «Вставай, братъ, утекать съ нами изъ неволи!» и будто такъ онъ намъ отвѣтилъ: «Утекайте вы, братцы, одни, а я лучше тутъ останусь, въ Туреччинѣ, авось, не заслужу ли я здѣсь, у моихъ турецкихъ господъ, лучшей доли и счастья, чѣмъ дома, у отца и мате-

ри!» А не то, то скажемъ хоть такъ: «Мы не у одного хозяина были въ неволѣ; былъ у него хозяинъ грозный и жестокий, онъ продалъ нашего брата куда-то далеко въ турецкую землю, на торгу безсрочно». А не то, такъ просто-напросто вотъ какъ скажемъ: «Мы въ ночную пору изъ темницы утекали, его соннаго будили, не добудились, да такъ тамъ его въ неволѣ и оставили. А когда отецъ и мать наши помрутъ, то мы сейчасъ же все наше наслѣдство: и усадьбу, и поля, и скотъ, на двѣ части раздѣлимъ; тогда и споровъ межъ нами не будетъ, и третій никто въ наше наслѣдство не будетъ вступаться и въ наши дѣла не будетъ мѣшаться⁵⁹⁾».

Г.

Младшій братъ въ зеленыхъ байракахъ.

Прибытіе младшаго къ Савуръ-могила.

Вотъ доходитъ младшій братъ до р. Міуса, до балокъ, терновыхъ кустовъ и зеленыхъ байраковъ, прибываетъ къ Савуръ-могила и къ р. Крымъ и своихъ конныхъ братьевъ чуть замѣтные уже слѣды замѣчаетъ. Идетъ онъ дальше и находитъ отрубленные верхушки терновыхъ вѣтокъ и зеленыхъ яворовъ⁵⁹⁾.

Благодарность его за оставленіе ему старшими вѣтокъ.

Онъ подходитъ къ нимъ, беретъ ихъ въ руки, хватаетъ, прижимаетъ къ сердцу, обливаешь слезами и говоритъ: «А я думалъ, что обо мнѣ мои братья нисколько не заботятся; а они, видно, обо мнѣ очень

беспокоятся и меня очень жалѣютъ. Это вѣдь они тутъ проѣзжали, терновыя вѣтки рубили и мнѣ на примѣту бросали. Когда бы мнѣ Господь помогъ изъ этой тяжелой азовской неволи спастись, ужъ какъ же бы я за это своихъ старшихъ братцевъ, при старости ихъ лѣтъ, берегъ и поконилъ!» ⁴⁰).

Д.

Младшій братъ на муравской дорогѣ.

Вотъ выходитъ младшій братъ изъ балокъ, Выходъ младшаго на муравскую дорогу. терновниковъ и зеленыхъ байраковъ, выбирается на поляны, на высокія, открытыя степи, достигаетъ перепутья, гдѣ перекрещиваются и расходятся въ разныя стороны большія дороги «росходниі», вступаетъ на открытую муравскую степь, идетъ по большой муравской дорогѣ. Нѣтъ уже ни балокъ, ни терновниковъ, не видать уже никакихъ примѣтъ; впереди его только степь чернѣетъ и колеблется, словно море; на ней трава зеленая зеленѣетъ. И вотъ видитъ онъ вырванные изъ—подъ кафтана клочки желтой китайки ⁴¹).

Онъ приходитъ въ отчаяніе, подбѣгаетъ къ нимъ, беретъ ихъ въ руки, хватаетъ, прижимаетъ къ сердцу, обливаетъ слезами и говорить: «Не напрасно эти изъ одежды моихъ братьевъ куски подкладки по дорогѣ валяются. Должно быть, тутъ жестокая азовская орда набѣгала, крѣпкую сшибку съ моими братьями имѣла и, словно Лихая Година и лютая буря, дорогія одежды на нихъ изорвала. Дол-

Беспокойство его по поводу нахождения имъ кусковъ подкладки.

жно быть, меня, пѣшаго, она гдѣ нибудь въ терновыхъ кустахъ, когда я спалъ тамъ, не замѣтила и миновала, а ихъ, конныхъ, примѣтила и догнала. Должно быть, моихъ братьевъ татарская орда или пострѣляла и изрубила, или же живьемъ въ полонъ захватила и воротила назадъ, въ еще тяжчайшую и горчайшую, чѣмъ прежде, неволю. Если бы я хоть навѣрно зналъ, что они пострѣляны или изрублены, я бы пошелъ по степи блуждать, сталъ бы тѣла ихъ искать, похоронилъ бы, чтобы не валялись въ открытой степи, не далъ бы ихъ на поживу звѣрю и птицѣ. И сталъ меньшій братъ своихъ старшихъ братьевъ оплакивать ⁶²⁾.

Истощеніе его
силъ.

И шелъ онъ не день, не два, не три и не четыре. Вотъ уже даже и тихій вѣтеръ, въ степи повѣвая, бѣднаго козака, несчастнаго, съ ногъ сбиваетъ. Куда вѣтеръ повѣетъ, туда онъ и наклонится, куда траву нагнетъ, туда онъ и нагибается. «Эхъ, довольно уже я, говорить, за конными братьями гонялся, пора уже мнѣ моимъ козацкимъ ногамъ льготу дать! ⁶³⁾».

Отчаянное положе-
ніе его.

И свалило меньшаго брата съ ногъ въ открытой степи три несчастья; одно безводье, другое—безхлѣбье, третье то, что ни на чью уже помощь надежды не стало ⁶⁴⁾.

Вотъ младшій братъ на землю склоняется, на дорогу голову кладетъ, горькими слезами плачетъ, девятый день не ѣвши безопасно отдыхаетъ, словно изъ неба воды—дожда и пищи, бѣдняга, выжидаетъ ⁶⁵⁾.

Мало—немного отдохнулъ. Вотъ онъ уже руками не двинетъ, ногъ не подыметъ и ясно очами на небо не взглянетъ. Къ небу поворачивается, тяжело вздыхаетъ и говорить: «Девятый день хлѣба въ устахъ не имѣю, отъ безводья, отъ безхлѣбья погибаю!» ⁶⁶).

Вотъ уже къ нему орлы сизокрыльцы изъ широкихъ степей налетаютъ, пристально въ очи козацкія заглядываютъ. Они смерти его дожидаются, еще задолго до отхода души козацкой темный похоронъ отправлять хотятъ.

Безсильное
стремленіе его
отогнуть отъ се-
бя орловъ.

А младшій братъ это чувствуетъ и замѣчаетъ и думаетъ про себя: «Вотъ если бы я могъ на ноги встать, да семипядную пицаль въ рукахъ имѣлъ, вотъ послалъ бы имъ пулю въ подарокъ!» И говоритъ имъ: «Орлы сизокрыльцы, гости мои немилые и невеселые, хоть мало—немного подождите, пока козацкая душа съ тѣломъ разлучится. Тогда будете изъ - подо-лба очи выдирать, когда я уже не буду свѣта Божьяго видать!» ⁶⁷).

Тутъ это онъ промолвилъ, отца и мать воспоминаетъ, молится за нихъ и вскорѣ потомъ отдаетъ Богу душу ⁶⁸). Не черная дождевая туча налетала, не буйный вѣтеръ дунулъ—это душа козацкая, молодецкая съ тѣломъ разлучалась ⁶⁹).

Кончина его.

Полегла голова козацкая въ открытой степи, на дорогѣ ⁷⁰). Никто о немъ не позаботится, ни отецъ, ни мать его не оплакиваютъ. Откуда ни возмись—сизая ласточка, въ головахъ садилась, жа-

Причитанія ла-
сточки.

лобно щебетала, словно сестра брата или мать сына оплакивала и словно словами надъ нимъ причитала: «Эхъ, голова, голова козацкая, молодецкая! Не слишкомъ ли ужъ долгій вѣкъ прожила ты на свѣтѣ, не слишкомъ ли ужъ вдоволь всегда ты и, допила, и доѣла, не слишкомъ ли ужъ много хорошаго платья износила, что теперь вотъ пришлось тебѣ въ безлюдной степи отъ безводья, отъ безхлѣбья погибнуть? Не наскучило ли уже тебѣ по чужимъ землямъ пробывать, не всѣ ли уже ты козацкіе обычаи узнала, что ты вотъ теперь уже ни о чемъ не заботишься, и что захотѣлось тебѣ въ степи валяться, звѣрю да птицѣ на поживу отдаться!» ⁷¹⁾.

Терзаніе трупа
младшаго брата
хищными птица-
ми.

Тогда орлы сизокрылые налетали, на кудри наступали, изъ подо лба очи выдирали, жадно кровь христіанскую пили. Тогда и всякая мелкая хищная птица налетала, отъ желтыхъ костей тѣло обдирала.

Растаскиваніе
костей его вол-
ками.

Тогда и волки—сѣроманцы изъ широкихъ степей набѣгали, отъ суставовъ кости отрывали, жадно ихъ грызли, по открытой степи растаскивали, жалобно выли да завывали. Это они козацкіе похороны отправляли!

Погребеніе ко-
стей его бурей.

Еще и буйные вѣтры по степи забушевали, степными пожарами кости обжигали, да желтыми песками ихъ засыпали» ⁷²⁾.

Изображеніемъ смерти младшаго брата на муравской дорогѣ и заканчивается основная часть нашей думы.

Старшій братъ выступаетъ предъ нами лич- Старшій братъ.
ностью уже вполне установившеюся, окрѣпшею.

Въ самомъ началѣ, при первомъ, такъ сказать, Жадность къ бо-
гатству.
представленіи намъ старшаго брата, дума выдвигаетъ предъ нами его *тяжелыя, хищническіе инстинкты* и вождѣнія, его *жадность* къ богатству, вслѣдствіе чего онъ является истымъ типомъ добычника. Ушелъ онъ изъ неволи не какъ нибудь, не съ пустыми руками, но предварительно и, какъ видно изъ думы, очень основательно обворовавши своего хозяина, у котораго онъ жилъ, какого нибудь богатаго турецкаго агу, покравши очень цѣнныя, по тогдашнему времени и быту, вещи, какъ-то: дорогую лошадь, тяжеловѣсное, оправленное въ золото и серебро сѣдло, дорогое оружіе, дорогую, прекрасную шелковую одежду, въ которую самъ нарядился, да, сверхъ того, какъ можно предполагать на основаніи намековъ думы, еще цѣлый тюкъ запасной одежды и всякихъ гостинцевъ въ видѣ багажа, а можетъ быть, накрадъ сверхъ всего этого и денегъ ⁷³). Но богатство не только было при немъ; оно улыбалось ему и впереди. Его воображеніе уже рисуетъ ему картину обладанія батьковщиной, какъ недвижимымъ имуществомъ: усадьбой и полями, такъ и движимымъ, скотомъ. Онъ желалъ бы владѣть всѣмъ этимъ однимъ, не дѣлясь даже и съ среднимъ братомъ.

Жестокосердіе
его.

Въ связи съ его жадностью къ богатству выступаетъ его *зачерствѣлость, жестокосердіе, звырство*. Онъ безъ обиняковъ высказываетъ, что сохраненіе своего дорогого багажа онъ предпочитаетъ спасенію младшаго брата, который былъ для него не болѣе, какъ ненужною, лишнею, обременительною кладью. При самомъ выѣздѣ его изъ Азова, а можетъ быть даже и въ самомъ Азовѣ, всецѣло охваты-

ваетъ его и овладѣваетъ имъ затаенная мысль, пользуясь благопріятнымъ и благовиднымъ предлогомъ и случаемъ избавиться навсегда отъ младшаго брата, какъ будущаго соучастника при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства на родинѣ, вслѣдствіе чего младшій братъ оказался для него, конечно, не только лишнею и бесполезною, но и невыгодною, вредною кладью. Вслѣдствіе этихъ соображеній онъ не соглашается даже и немного подвезти брата и указать ему дорогу на родину, не позволяетъ среднему брату рубить вѣтокъ, не хочетъ портить своей одежды для козацкой примѣты.

Самовластіе.

Въ связи съ жестокосердіемъ выступаютъ его *деспотическія* наклонности. Онъ заставляетъ средняго брата безпрекословно ему повиноваться, посредствомъ самыхъ недвусмысленныхъ угрозъ вынуждаетъ у него согласіе, при отвѣтѣ отцу и матери, быть съ нимъ заодно о младшемъ братѣ.

Самомнѣіе.

Въ связи съ упомянутыми качествами стоитъ его *самомнѣіе, заносчивость, высокомеріе, гордость*. Гордится онъ не только своимъ богатствомъ, но и своимъ умомъ, опытностью, знаніемъ жизни, практичностью. Онъ считаетъ себя во всемъ неизмѣримо умнѣ средняго брата, надъ которымъ превозносится и издѣвается. Онъ во всемъ перечитъ среднему брату, называетъ его глупцомъ за то, что онъ издумалъ оставлять примѣту посредствомъ вѣтокъ, и чуть не бабой за то, что онъ издумалъ для примѣты рвать свою одежду.

Щепетильность.

Въ связи съ этимъ высокимъ мнѣніемъ его о себѣ, о своемъ умѣ, выдвигается его своего рода *и-литность, щепетильность, утонченная деликатность* по отношенію къ своей собственной особѣ. Онъ знаетъ, что ему прилично и что неприлично, что и вы-

ражается въ его словахъ: «Развѣ мнѣ это прилично, чтобы я свое добро на дорогу выбрасывалъ» и пр.; «развѣ это мнѣ прилично, чтобы я свою дорогую одежду портилъ» и пр.

Въ связи съ упомянутыми качествами обнаруживается въ немъ и его *тщеславіе*, стремленіе къ виѣшнему почету въ обществѣ, какъ къ должной себѣ дани, стремленіе всюду производить собою эффектъ, импонировать. Онъ заранее рассчитываетъ поразить отца и мать, эту добродушную деревенщину, не выдавшую свѣта, своимъ богатымъ нарядомъ и привезенными для нихъ дорогими гостинцами, какими-нибудь заморскими шелковыми тканями. Онъ мечтаетъ о томъ, какъ сосѣди будутъ снимать шапки передъ нимъ и заискивать его знакомства, какъ особаго счастья; онъ воображаетъ себѣ, какой блистательный эффектъ произведетъ онъ, какъ онъ будетъ покорять сердца, когда, принарядившись въ свое дорогое турецкое добро, появится онъ въ средѣ прекраснаго пола.

Тщеславіе.

Въ связи съ упомянутыми качествами стоитъ и его *лицемѣріе*, *окрадиивость*, *хитрое и лживое* резонерство. Онъ не высказываетъ среднему брату своего плана сразу и прямо, т. е. не высказываетъ ему, что онъ хочетъ гибели младшаго брата, что будетъ ей очень радъ, но старается показать себя правымъ, чистымъ и при этомъ старается средняго брата утѣшить. Онъ лицемѣрно оправдывается тѣмъ, что кони у нихъ будто бы плохіе, и что, поэтому, они не могутъ всѣ втроемъ спастись отъ погони, успокаиваетъ средняго брата тѣмъ, что младшій, если живъ-здоровъ будетъ, и пѣшкомъ можетъ домой пойти, что онъ можетъ пойти и безъ всякихъ примѣтъ, что ему даже выгоднѣе оставаться пѣшимъ,

Лицемѣріе.

такъ какъ онъ можетъ спрятаться въ кусты, и татары его пѣшаго и не замѣтятъ; въ концѣ концовъ утѣшаетъ средняго брата мыслью, что даже это и къ лучшему будетъ, если младшій братъ не воротится съ ними домой, такъ какъ въ противномъ случаѣ братьевъ пришлось бы раздѣлить между ними троими, и только споры между ними вышли бы.

Глухость.

Въ связи съ лицемѣріемъ выступаетъ его душевная *грозь*, выражающаяся въ его живыхъ измышленіяхъ. Его воображеніе не останавливается не только предъ наглою ложью, но и предъ *глупою клеветою* на безотвѣтнаго юношу, которую онъ имѣлъ въ виду приподнести отцу и матери, будто младшій братъ предпочелъ турецчину родной землѣ и своихъ турецкихъ господъ роднымъ отцу и матери, будто захотѣлъ тамъ остаться; и этимъ старшій задумалъ совершенно ясно намекнуть, будто младшій захотѣлъ свою вѣру подъ ноги подтоптать, потурчиться, побусурманиться.

Наглость.

Вѣнцемъ всѣхъ перечисленныхъ нами его качествъ является вообще его *наглость*, или *нахальство*, съ которыми онъ прямо стремится къ намѣченной имъ цѣли, не разбирая средствъ для ея достиженія и не зная никакихъ нравственныхъ колебаній.

Очевидно, что старшій братъ, въ основной части думы, является носителемъ и представителемъ тѣхъ чисто звѣриныхъ, хищническихъ задатковъ, вождѣній и стремленій, которые, какъ нельзя не признаться, столь глубоко коренятся и залегаютъ въ человѣческой природѣ. Это—совершенно опредѣленный, въ достаточной степени распространенный и хорошо каждому знакомый типъ черстваго, сухаго, бездушнаго эгоиста, проникнутаго всецѣло расчетливымъ житейскимъ практицизмомъ, фарисействомъ и чревоугодіемъ.

При изображеніи средняго брата, прежде всего Средній братъ. выступаютъ его, такъ сказать, отрицательныя добродѣтели.

Средній братъ, какъ говоритъ дума, какъ бы Отсутствіе жалости. въ противоположность старшему, имѣлъ всего только одинъ кафтанъ, а именно тотъ, въ который онъ былъ одѣтъ. Это указываетъ намъ, что средній братъ укралъ у турокъ только то, что было необходимо для побѣга, безъ чего нельзя было обойтись, но что лишняго онъ ничего не кралъ. Очевидно изъ этого, что это такой человѣкъ, который никому не сдѣлаетъ зла, если только безъ этого онъ сможетъ обойтись какъ-нибудь.

Мы видимъ дальше, что онъ, по собственному Отсутствіе жестокосердія. побужденію, принимаетъ мѣры къ спасенію младшаго брата; онъ усердно рубить терновыя вѣтви, не жалѣетъ своего единственнаго кафтана для козацкой примѣты. Очевидно изъ этого, что это такой человѣкъ, который охотно готовъ оказать помощь ближнему, если это не потребуетъ отъ него какихъ либо особенныхъ, чрезвычайныхъ жертвъ.

Но, съ другой стороны, очевидно также и то, Слабохарактерность. что дальше упомянутыхъ отрицательныхъ добродѣтелей средній братъ не можетъ идти по своей *слабохарактерности*. Когда младшій прицѣпился къ нимъ по выступленіи ихъ изъ Азова, средній спрашиваетъ мнѣнія у старшаго брата. Просьба младшаго убить его приводитъ его въ ужасъ, но потянуть рѣшительно за младшимъ братомъ, стать на его сторону, пристать къ нему и разойтись со старшимъ онъ не смѣетъ. Затѣмъ у Салуръ—могилы, на первой, такъ сказать, передышкѣ, онъ проситъ старшаго брата подождать пѣхотинца, но вступить ~~въ~~ ^{въ} братомъ въ споръ, въ борьбу изъ-за этого, поступить

согласно своему убѣжденію,—на это опять не хватаетъ у него духу.

Уступчивость.

Въ связи съ его слабохарактерностью и нерѣшительностью выступаетъ и ихъ неизбѣжный спутникъ, *уступчивость*, или *податливость*, пассивность. Онъ терпѣливо выноситъ насмѣшки старшаго брата надъ собою изъ-за козацкихъ примѣтъ, грубыя угрозы и резонерство по поводу отвѣта отцу и матери. Онъ, очевидно, находится подъ непреодолимымъ нравственнымъ гнетомъ и руководствомъ старшаго брата и подчиняется ему.

Трусавость.

Въ связи съ упомянутыми его качествами выступаетъ и его *трусливость*, *бѣзпокойное*, *тревожное* настроеніе его души. Онъ, очевидно, постоянно находится подъ давленіемъ страха объ отвѣтъ, который онъ долженъ будетъ дать о младшемъ братѣ отцу и матери, что и выразилось, наконецъ, въ его вопросѣ объ этомъ, съ которымъ, преодоливъ свою нерѣшительность, онъ обратился къ старшему брату, и въ отвѣтъ на который старшій братъ разразился угрозами и откровенными объясненіями.

Очевидно, что средній братъ въ основной части думы является представителемъ людей среднихъ нравственныхъ качествъ. Это — типъ самаго зауряднаго человѣка.

Младшій братъ.
Жизненная
энергія его.

При обрисовкѣ младшаго брата прежде всего выдвигается его свѣжая *жизненная энергія*, его *жизненность*. Изъ думы можно догадываться, что старшіе братья задумали бѣжать безъ него, что онъ лишь какъ-нибудь случайно узналъ объ этомъ, подстергъ, подсидѣлъ, такъ сказать, братьевъ на этомъ, прицѣпился къ нимъ, ввязался за ними безъ ихъ приглашенія, насильно, изъ нежеланія оставаться въ неволѣ одинокимъ, безъ родной души. Подъ давленіемъ

инстинкта самосохраненія онъ употребляетъ самыя отчаянныя усилія, чтобы разжалобить, смягчить братьевъ. Онъ, пѣшій, догоняетъ конныхъ, втискивается межъ ихъ коней, цѣпляется за ихъ стремяна, такъ что братья должны были, надо полагать, отрывать, отталкивать его отъ себя силою. Онъ проситъ подвезти его хоть немного, хоть указать ему дорогу на родину. Оставленный братьями, истощивъ запасъ хлѣба, онъ, не смотря на всѣ испытываемыя имъ страданія, еще цѣлыхъ восемь дней измѣряетъ дикую степь своими босыми козацкими ногами, стремится за братьями до послѣдняго истощенія силъ, до упаду, въ буквальный смыслъ этого слова. Наконецъ послѣдній проблескъ его жизненной энергій, его отчаянной борьбы за существованіе дума наша чрезвычайно мѣтко изображаетъ въ проявленіи его желанія, въ его, по крайней мѣрѣ, мысленномъ стремленіи защититься отъ орловъ, напавшихъ на него еще при его жизни.

Вслѣдствіе свѣжести и полноты его жизненныхъ силъ мысль о предстоящей ему неизбѣжной голодной смерти на первыхъ порахъ приводитъ его въ невыразимый ужасъ, и онъ въ отчаяніи умоляетъ братьевъ лучше убить его сразу, чѣмъ оставлять его въ жерту медленной голодной смерти. Страхъ смерти.

Затѣмъ выдвигается его житейская *неопытность*. Мы видѣли выше, что изъ сопоставленія данныхъ, представляемыхъ думою, можно предположить, что младшій братъ былъ уведень татарами еще мальчикомъ лѣтъ 12-ти, 14-ти. И дѣйствительно, изъ думы мы видимъ, что онъ не зналъ даже дороги на свою родину, въ землю христіанскую, хотя и хорошо помнилъ самую родину и своихъ родителей. Онъ не зналъ всѣхъ козацкихъ обычаевъ и примѣтъ, не Неопытность

могъ догадаться, что и клочки подкладки изъ одежды братьевъ не болѣе, какъ козачья примѣта. Онъ не только не позаботился, не сѣумѣлъ и не успѣлъ украсть себѣ у турокъ ни лошади, ни оружія, но вырвался на волю, по всей вѣроятности, въ томъ, что на немъ было въ то время, когда онъ узналъ, что братья пускаются въ бѣгство. Какая была на немъ одежда, дума ничего объ этомъ не говоритъ. Какъ можно заключить на основаніи нѣкоторыхъ намековъ думы, онъ вырвался на волю не только безъ сапоговъ, но и безъ шапки ¹¹⁾, а можетъ быть, даже и безъ запаса хлѣба.

Простодушіе

Въ связи съ его неопытностью выдвигается его дѣтская *наивность*, *простодушіе*, его вѣра въ людей, въ ихъ доброту. Онъ имѣлъ полную надежду на великодушіе братьевъ, на то, что они не оставятъ его безъ помощи. Ему казалось, что братья охотно и съ радостью выбросятъ на дорогу свои дорогіа тяжеловѣсныя сѣдла и лишній багажъ и возьмутъ его съ собою межъ коней. Дѣлается изъ всего сказаннаго яснымъ, что этотъ неопытный и простодушный ребенокъ безъ чужой помощи рѣшительно не могъ обойтись.

Непритязательность.

Послѣ отказа братьевъ въ его просьбахъ, его *скромность* и *непритязательность* по отношенію къ братьямъ проявляются въ томъ, что, при видѣ разбросанныхъ по дорогѣ клочковъ подкладки, ему и въ голову не приходитъ, что старшіе братья, нехотѣвшіе разставаться съ своимъ багажемъ прежде, при выѣздѣ изъ Азова, ради него не пожалѣли своей дорогой одежды, вслѣдствіе чего онъ и не можетъ догадаться, что и эти клочки тоже, что и вѣтки, т. е. не болѣе, какъ козачья примѣта.

Почтительность къ старшимъ, *незлобивость*, чувство *всепрощенья* у младшаго брата проявляются въ томъ, что, не смотря на всѣ испытанныя имъ муки, ни одного слова упрека, ни одного укора по отношенію къ братьямъ не проронилъ онъ отъ самаго выступленія предъ нами на сцену въ азовской степи до своего послѣдняго вздоха на муравской дорогѣ.

Незлобивость.

Въ виду обнаруженной братьями безчувственности къ нему, которая для него была неожиданна и, вслѣдствіе его житейской неопытности, мало ему понятна, его сильно должно было поразить то, что они оставляли ему козацкую примѣту посредствомъ вѣтокъ. Тутъ-то и проявляется его *отзывчивая*, прекрасная натура. Онъ признаетъ себя какъ бы виновнымъ въ томъ, что дурно подумалъ о братьяхъ, и это его раскаяніе и проявляется въ трогательной мысленной его благодарности братьямъ за ихъ безпокойство и заботливость о немъ; онъ обѣщаетъ за это, если Богъ приведетъ его на родину, всего себя посвятить заботамъ о братьяхъ, при старости ихъ дѣтъ.

Отзывчивость.

Не смотря на то, что братья оттолкнули его съ такой безсердечностью, онъ приходитъ въ отчаяніе отъ мысли, что они, быть можетъ, убиты или уведены въ плѣнъ татарами, вслѣдствіе чего онъ и сталъ своихъ братьевъ оплакивать.

Братская любовь.

Его глубокая дѣтская *нѣжность* и заботливость, его всегдашняя память объ отцѣ и матери выражаются въ томъ, что послѣднюю его мыслію и молитвою была именно мысль и молитва не о себѣ, но объ отцѣ и матери ⁷⁵⁾.

Сыновняя нѣжность.

Его глубокій *пѣтизмъ* проявляется въ томъ, что онъ ужасается какъ при мысли быть самому непогребеннымъ по смерти, такъ и при мысли ос-

Пѣтизмъ.

тавить непогребенными тѣла братьевъ, такъ какъ оставлять христіанскія тѣла непогребенными, на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ считалось дѣломъ нечестивымъ.

Самоотверженіе.

Его *самоотверженіе* проявляется въ томъ, что, не смотря на весь ужасъ его положенія, имъ овладѣваетъ мысль, что онъ долженъ, если бы зналъ навѣрно о смерти братьевъ, найти тѣла ихъ и закопать ихъ въ землю. Въ этомъ случаѣ нашъ юный пѣхотинецъ невольно напоминаетъ собою прелестный образъ Софокловой Антигоны съ ея самоотверженнымъ стремленіемъ погresti тѣло ея брата.

Очевидно изъ этого, что въ противоположность старшему брату, который, какъ было сказано, является въ думѣ представителемъ чисто звѣриныхъ задатковъ человѣческой природы, народное творчество въ этой думѣ избрало младшаго брата, исполненнаго юношескихъ, свѣжихъ жизненныхъ силъ, какъ бы сосудомъ и носителемъ свѣтлыхъ и радостныхъ задатковъ той же природы.

Индивидуализація лицъ.

Изъ представленныхъ мною характеристикъ видно, что думанаша не описываетъ наружности братьевъ, но что, тѣмъ не менѣе, не смотря на это отсутствіе внѣшнихъ признаковъ или чертъ различія, личности каждаго изъ трехъ братьевъ, по своимъ внутреннимъ, душевнымъ качествамъ, обособляются, или, какъ говорится, индивидуализируются съ поразительнымъ мастерствомъ. Дума слѣдитъ за малѣйшими душевными движеніями братьевъ, какъ бы заглядываетъ въ ихъ души, читаетъ сокровенное въ ихъ сердцахъ.

Живость изображенія младшаго брата.

Нельзя не замѣтить также и того, что весь пафосъ, весь драматизмъ думы сосредоточенъ на изображеніи младшаго брата. Дума съ беспощадною по-

слѣдовательностью, шагъ за шагомъ изображаетъ, какъ угасала эта молодая, здоровая жизнь, какъ постепенно, и тѣлесно — и душевно, изнывалъ несчастный пѣхотинецъ, слѣдитъ до мельчайшихъ подробностей за всѣми трогательными движеніями его души, за всѣми вспышками его жизненной энергіи, за всѣми перипетіями его агоніи.

Кромѣ присутствія трехъ братьевъ, нельзя не чувствовать, нельзя не замѣчать присутствія въ думѣ и еще одной личности. Это — невидимо присутствующая въ думѣ личность самихъ народныхъ пѣвцовъ, изъ-за которыхъ, въ свою очередь, видится духовный обликъ самого народа, съ его глубокими, неподдѣльными симпатіями и антипатіями. Не смотря на полную объективность и спокойствіе разсказа, чувство симпатіи и состраданія къ младшему брату, въ теченіи разсказа, обнаруживается то такъ, то иначе: то въ названіи его *бѣднымъ и несчастнымъ*, то въ названіи его *бѣдиной* ¹⁹⁾, и, наконецъ, открыто прорывается при изображеніи его смерти.

Выступленіе
личности пѣвца

Мы видѣли, что вслѣдъ за изображеніемъ послѣдняго вздоха пѣхотинца является на сцену ласточка съ своимъ жалобнымъ щебетаньемъ. Само собою разумѣется, что это не ласточка произносила слова причитанья, — это самъ пѣвецъ влагаетъ въ уста ласточки чувство сожалѣнія о младшемъ братѣ. Смерть юноши, полнаго свѣжихъ жизненныхъ силъ, юноши чистаго, не испорченнаго жизнью, мало испытывающаго ея радостей, конечно, производитъ всегда въ особенности тяжелое впечатлѣніе на общество, и вотъ это-то трогательное чувство сожалѣнія и влагаетъ пѣвецъ, какъ носитель и представитель народного чувства, въ уста ласточки.

Грустное чув-
ство въ причи-
таньи ласточки

Грустное вос-
кликаніе при
изображеніи
волчьего за-
ыванія.

Та же лирическая грустная нота слышится и при изображеніи ужасной пирушки, устроенной хищными птицами и звѣрями надъ трупомъ младшаго брата; грустною ироніей отзывается лирическое восклицаніе по поводу волчьего жалобнаго вола: «это они козацкія похороны отправляли!»

Финалъ основ-
ной части думы.

Наконецъ, сильный, могучій взмахъ кисти поэта, изобразившій замѣтаніе слѣдовъ физическаго существованія пѣшаго брата желтымъ пескомъ, взрытымъ буйнымъ вѣтромъ, свободно разбушевавшимся по степному простору, и завершаетъ эту велико-лѣпную картину, которой позавидовалъ бы и величайшій художникъ.

Общее заключе-
ніе объ основ-
ной части думы.

На дальнѣйшую судьбу старшихъ братьевъ дума наша въ своей основной, первоначальной редакціи набросила таинственное покрывало. Естественно возникающій вопросъ, напр., о томъ, какіе плоды принесло жестокосердіе старшаго брата, удалось ли ему устроить свое благополучіе на родинѣ, какъ онъ мечталъ о томъ, или не удалось,—этотъ вопросъ остается безъ отвѣта. Очевидно, что думѣ прежде всего нужно было лишь одно: ей нужно было при помощи свѣжихъ и яркихъ художественныхъ образовъ тронуть сердца слушателей, возбудить въ нихъ чувство естественной жалости, состраданія и симпатіи къ погибшему юношѣ, младшему брату, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушить чувство рыцарскаго презрѣнія, отвращенія и негодованія къ звѣрскому жестокосердію старшаго брата, и нельзя не признать, что дума наша въ значительной степени достигаетъ этой цѣли уже и въ своей основной части.

IV.

Заключительная часть думы.

Поводъ къ созданію заключительной части думы.—Три разныхъ конца думы.—Заключительныя части думы по краткому и среднему ея изводу.—Заключительная часть думы по ея полному изводу: А) старшіе братья у р. Самары; Б) старшіе братья на родинѣ; В) память о младшемъ братѣ. — Обрисовка старшаго и средняго братьевъ.—Духовный образъ младшаго брата. Общее заключеніе о заключительной части думы.—Общее заключеніе о думѣ во всемъ ея объемѣ, ея общей мысли и нравоучительной тенденціи.

Не трудно догадаться, что взволнованное чувство и возбужденная мысль слушателей, окружавшихъ народныхъ пѣвцовъ при исполненіи ими основной части думы, не могли удовлетвориться концомъ ея по основной, первоначальной ея редакціи. Что сталося со старшими братьями, какъ добрались они до родины, что рассказали о младшемъ братѣ отцу и матери, всплыла ли когда-нибудь наружу тайна объ ихъ поступкѣ съ младшимъ братомъ, или такъ и осталась навсегда неоткрытою, былъ ли счастливъ старшій братъ со своимъ турецкимъ добромъ и т. д.,—вотъ вопросы, которые, возбуждая любопытство слушателей, настойчиво требовали отвѣта. И вотъ, какъ бы подъ вліяніемъ такого нравственного давленія со стороны слушателей и какъ бы въ

Поводъ къ созданію заключительной части думы.

разрѣшеніе возбужденныхъ основнымъ разсказомъ и тревожившихъ слушателей вопросовъ, у народныхъ пѣвцовъ создается и заключительная часть думы, въ которой и досказывается дальнѣйшая судьба старшихъ братьевъ.

Три конца думъ.

Но тутъ-то между указанными нами выше тремя редакціями думы, доселѣ въ существенныхъ чертахъ вполнѣ согласными, и начинается разногласіе, такъ что эти три редакціи представляютъ и три совершенно различныхъ конца думы. *)

Заключительная часть нашей думы по полной ея редакціи повѣствуетъ слѣдующее:

А.

Старшіе братья у р. Самары.

Разговоръ старшихъ братьевъ о младшемъ.

«Когда два старшихъ брата стали приближаться къ рѣкѣ Самарѣ, стала ихъ обнимать темная и холодная ночь, и стала проникать въ сердце средняго брата тяжелая тоска, и сталъ онъ говорить старшему: «Братецъ мой старшій, родненькій! Это не напрасно на мое сердце тяжелая тоска налегаетъ: должно быть, нашего брата, пѣшлаго пѣхотинца, нѣтъ уже въ живыхъ!» Старшій братъ отвѣчаетъ на это среднему: «Остановимся-ка, братъ, здѣсь, коней попасемъ; тутъ курганы высокіе, трава хорошая, вода годная; подождемъ, пока взойдетъ солнышко и обогрѣетъ землю; подождемъ, не прибудетъ ли къ намъ нашъ пѣшій пѣхотинецъ. Я бы всю душою о немъ позаботился; я бы всю свою добычу съ радостью на дорогу выбросилъ и его обѣими руками

*) Изложеніе и оцѣнка конца думы по краткой и средней редакціямъ, по несущественности для дѣла, опускаются.

на коня схватилъ!» Средній братъ отвѣчаетъ ему на это съ упрекомъ: «Было тогда, братъ, хватать, когда я просилъ тебя объ этомъ; теперь девятый день уже минулъ, какъ онъ хлѣбъ-соль ѣлъ и воду пилъ; должно быть, доселѣ его и на свѣтѣ ужъ нѣтъ!»⁷⁷⁾.

Тогда старшіе братья надъ рѣчкою, надъ Самарою, у самарскаго лѣса, три дня и три ночи отдыхали, коней попасали, водой ихъ поили, все своего пѣшаго брата поджидали.

Привалъ старшихъ братьевъ у р. Самары.

На третій день, когда божій свѣтъ сталъ свѣтатъ, сѣли они на коней и чрезъ рѣчку Самару въѣхали въ христіанскую землю.⁷⁸⁾

Вступленіе ихъ въ христіанскую землю.

И ѣхали они не день, не два, не три и не четыре. Сталъ говорить старшій братъ среднему, обливаясь слезами: «Подумаемъ-ка мы, братъ, погадаемъ, какой намъ отвѣтъ отцу и матери дать? Если мы скажемъ всю правду, то отецъ и мать насъ проклянутъ, а если солжемъ, то будетъ насъ Господь и видимо, и невидимо карать». Средній братъ отвѣчаетъ ему: «Лучше правду сказать. Если скажемъ всю правду, тогда, можетъ быть, отецъ и мать смилуются надъ нами».⁷⁹⁾

Разговоръ ихъ объ отвѣтѣ родителямъ.

Б.

Старшіе братья на родинѣ.

На четвертой недѣлѣ прибыли они на свою родину. Отецъ и мать за ворота выбѣгаютъ, здравствуются, спрашиваютъ ихъ о здоровьи, и не столько объ ихъ здоровьи допытываются, сколько спрашиваютъ ихъ о своемъ младшемъ сынѣ, объ ихъ братѣ: «Сыны наши, сыны, ясные соколы! Въ одномъ ли вы мѣстѣ въ неволѣ были, у одного ли хозяина служили, въ одно ли время и всѣ ли вмѣстѣ

Прибытіе братьевъ къ отцу и матери и распросы родителей о младшемъ сынѣ.

изъ неволи утекли? Гдѣ же вы вашего меньшого брата подѣвали? Ужъ не промѣняли ли вы его янычарамъ на эти кони турецкіе, да на эти ваши наряды дорогие?»

Отвѣтъ старша-
го брата роди-
телямъ.

Старшій сынъ отвѣчаетъ имъ на это: «Были мы въ городѣ Азовѣ, въ тяжелой неволѣ, на турецкой каторгѣ. Не всѣ, только двое насъ изъ неволи утекли. Мы не въ одномъ мѣстѣ всѣ въ неволѣ были, не у одного хозяина всѣ служили. Утекали мы изъ темницы въ ночную пору, забѣгали и къ младшему брату; младшаго брата отъ сна будили, не добудились, да такъ тамъ его въ неволѣ и оставили!» ⁸⁰⁾

Радость родите-
лей.

Отецъ и мать кормятъ ихъ и поятъ, жалуютъ и покоятъ, за дорогихъ гостей принимаютъ ⁸¹⁾.

Пиръ и призна-
нія на немъ
средняго брата
о младшемъ.

Стали братья съ отцемъ, съ матерью да со всѣми добрыми людьми пировать. Когда средній братъ немного подвыпилъ, началъ его козацкую голову хмѣль разбирать, сталъ онъ горько плакать и рыдать, сталъ слезами обливаться, и сталъ онъ передъ отцемъ, передъ матерью да передъ всѣми добрыми людьми о своемъ младшемъ братѣ всю правду открывать: «Отецъ и мать! Въ одной неволѣ всѣ мы были, у одного хозяина всѣ служили, въ одно время и вмѣстѣ всѣ трое изъ неволи утекли. Да дурно мы сдѣлали: сами себѣ мы коней похватили, а своему брату меньшому коня не ухватили. Да дурно мы съ нимъ поступили: съ собою межъ коней его не взяли, даже и полчетверти мили подвезти его не захотѣли. Должно быть, и на свѣтѣ его ужъ нѣтъ; знать его козацкая голова гдѣ-нибудь въ открытой степи, при дорогѣ полегла!» ⁸²⁾.

Съ тѣхъ поръ отецъ и мать стали своего старшаго сына ненавидѣть и презирать, стали его изъ своего дома, отъ своихъ очей прогонять.

Судьба старшаго брата.

А надъ среднимъ сыномъ они смиловались за то, что онъ о младшемъ ихъ сынѣ всю правду имъ открылъ, и сталъ онъ жить у отца и матери.

Судьба средняго брата.

А младшій сынъ изъ открытой степи легкимъ призракомъ все въ гости къ нимъ прибываетъ³³⁾.

Появленіе тѣни младшаго брата.

В.

Пѣснь о младшемъ братѣ.

И молва о немъ не умретъ, не прекратится. Пойдетъ пѣсня о немъ межъ друзьями, межъ козаками, межъ рыцарями, между добрыми молодцами и помежъ всѣмъ народомъ христіанскимъ, и будетъ раздаваться она отнынѣ и до вѣка, всѣмъ слушающимъ на здоровье и на многая лѣта!»³⁴⁾

Въ началѣ заключительной части думы народное творчество влагаетъ въ душу старшаго брата *порывъ раскаянія* въ его жестокосердомъ поступкѣ съ младшимъ братомъ. Только теперь, у р. Самары, по представленію народного творчества, почувствовалъ старшій братъ, что безъ младшаго брата въ душѣ его сдѣлалось мрачно и холодно, словно въ природѣ безъ свѣтлаго и теплаго солнышка; только теперь онъ созналъ, что онъ вышвырнулъ такую драгоценность, сравнительно съ которою все его турецкое богатство представлялось ему ненужною, ничтожною кладью. Но тутъ у насъ невольно возникаетъ вопросъ: совмѣстно ли съ сущностью характера старшаго брата, т. е. съ систематическою разсчетливостью, душевною сухостью и

Порывъ раскаянія въ старшемъ братѣ.

зачерствѣлостью, съ какими выведенъ онъ въ основной части разсказа, представленіе вообще о какого бы то ни было рода бурномъ порывѣ, увлеченіи, и не находится ли, напротивъ того, съ этою сущностью такое представленіе въ коренномъ, непримиримомъ противорѣчіи? Можно ли, напр., представить себѣ Чичикова искренно кающимся грѣшникомъ, или Плюшкина великодушнымъ, или Собакевича чувствительнымъ? Это логически невозможно.

Поверхностность и бесплодность этого раскаянія.

Что это раскаяніе, если оно и на самомъ дѣлѣ проявилось у старшаго брата, было далеко не глубоко, что оно было очень поверхностно и мелко, это ясно изъ того, что оно не привело ни къ какимъ результатамъ, осталось бесплоднымъ, такъ какъ старшій братъ, по пріѣздѣ домой, не повинился предъ родителями въ своемъ поступкѣ, но остался вполне вѣренъ самому себѣ, т. е. солгалъ передъ ними. Упомянутый порывъ раскаянія старшаго брата можетъ быть развѣ, — и едва ли не вѣрнѣе всего, — сопоставленъ съ тѣмъ «какимъ-то теплымъ лучемъ», который, по словамъ поэта, «вдругъ скользнулъ на деревянномъ лицѣ Плюшкина» при воспоминаніи о школьномъ товарищѣ. «Выразилось не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности воды утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ». Что касается тѣхъ слезъ, съ которыми по представленію народнаго творчества, старшій братъ обращался къ среднему, когда они приближались уже къ родинѣ, прося у него совѣта относительно отвѣта отцу и матери, то онѣ, естественнѣе всего, совершенно сущности характера старшаго брата, могутъ быть объяснены, какъ результатъ расчетливаго ли-

цемърнаго притворства съ его стороны, съ цѣлю привлечь средняго брата отвѣтить согласно съ нимъ о младшемъ братѣ родителямиъ.

Дума смотритъ на изгнаніе старшаго брата изъ родительскаго дома, какъ на тяжкое наказаніе, какъ на вполнѣ достаточное возмездіе за поступокъ его съ младшимъ братомъ. Но фактическихъ указаний на то, какъ устроился старшій братъ на родинѣ, при помощи своего богатства, въ большей части варьянтовъ нашей думы мы не встрѣчаемъ никакихъ. Дума какъ бы затрудняется, какъ бы не знаетъ, что на это отвѣтить, и старшій братъ въ ней, послѣ изгнанія его изъ родительскаго дома, совсѣмъ ступшевывается.

Изгнаніе старшаго брата родителями.

Изъ думы мы видимъ только, что не всѣ планы старшаго брата удались, что онъ потерпѣлъ и нѣкоторыя неудачи. Не удалось ему доведеннымъ имъ изъ цѣлости на родину богатствомъ задобрить и прельстить родителей, которые сразу отнеслись къ этому богатству съ ироніей и презрѣніемъ. Затѣмъ, шансы его на обладаніе батьковщиной, вслѣдствіе признанія средняго брата, поколебались. Но дѣло въ томъ, что люди этого типа обладаютъ такимъ неистощимымъ и неутомимымъ запасомъ творчества по отношенію къ устройству собственнаго благополучія, и такими житейскими приспособленіями къ этому, такой утонченной ловкостью и деликатной изворотливостью, которая всегда и всюду помогаютъ имъ устроиться, какъ нельзя лучше. И дѣйствительно, изъ одного изъ варьянтовъ думы мы видимъ, что, и по изгнаніи изъ родительскаго дома, старшій братъ все таки копошится, обнаруживаетъ признаки жизни и дѣятельности. Онъ выстроилъ себѣ великолѣпный домъ, въ который вложилъ весь

Дѣятельность старшаго брата на родинѣ.

свой капиталъ. Планы свои онъ началъ, стало быть, приводить въ исполненіе. Правда, что, по тому же варианту, домъ этотъ сгорѣлъ отъ молніи, и что вообще старшему брату ни въ чемъ не везло; но, очевидно, что на это изображеніе едва-ли не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на тенденціозную нравоучительную утрировку, по которой добродѣтель должна всегда торжествовать, а порокъ долженъ быть наказанъ. Вѣдь и Чичиковъ терпѣлъ неудачи, и немалыя; однако не падалъ духомъ; напротивъ того, послѣ каждой неудачи, онъ возрождался снова, еще въ большемъ блескѣ, словно фениксъ изъ пепла.

Смягченіе характера старшаго брата пѣвцами.

Изъ сказаннаго видно, что порывъ раскаянія, вложенный народными пѣвцами въ душу старшаго брата въ заключительной части думы, гораздо болѣе характеризуетъ ихъ самихъ, чѣмъ старшаго брата. Имъ какъ бы становится стыдно за человѣческую природу; они не хотятъ допустить, чтобы могли существовать люди, до такой степени зачерствѣлые, чтобы не быть доступными порывамъ раскаянія и угрызениямъ совѣсти. Такая идеализація дѣйствительности со стороны народныхъ пѣвцевъ, конечно, говоритъ объ ихъ душевной чистотѣ, добродушіи, мягкости, и вотъ эти то свои душевные качества они переносятъ, въ заключительной части думы, въ нѣкоторой степени, и на старшаго брата.

Недоконченность обрисовки старшаго брата.

Очевидно, что характеръ старшаго брата въ заключительной части, какъ говорится, не выдержанъ до конца, что тутъ произошла подтасовка, что, вмѣсто старшаго брата, въ заключительной части думы выведенъ другой человѣкъ, гораздо лучше старшаго брата. Такимъ образомъ оказывается, что народное творчество не сумѣло сладить съ этимъ типомъ въ нашей

думѣ и такъ и бросило его недорисованнымъ, недо-
конченнымъ.

Въ противоположность старшему брату, кото-
рый, бывши столь смѣлъ и многорѣчивъ въ дикой
степи, по приближеніи къ родинѣ и на самой родинѣ
какъ бы совершенно стушевывается, средній
братъ, столь покорный старшему въ дикой степи,
по мѣрѣ приближенія къ родинѣ и на самой родинѣ
ободряется духомъ, дѣлается смѣлѣе и лучше и какъ
бы выступаетъ на первый планъ, такъ что братья
какъ бы мѣняются ролями.

Перемена ролей
братьевъ

Уже въ началѣ заключительной части думы мы
видимъ, что у р. Самары на сердце средняго брата
стала налегать тяжелая *тоска*, и онъ не въ
силахъ былъ выдержать удручавшаго его безмолвія.
Его тоска искала прорваться, облегчиться въ рѣчи
и, смѣло нарушивъ памятный ему запретъ со сто-
роны старшаго—высказывать сожалѣніе о младшемъ,
онъ сталъ высказывать старшему брату мучившее
его предчувствіе о томъ, что младшаго брата нѣтъ
уже въ живыхъ.

Тоска средняго
брата.

Затѣмъ, когда старшій, въ отвѣтъ на это, об-
наружилъ поздній порывъ раскаянія, онъ прямо уже,
нисколько не стѣсняясь, бросаетъ ему въ лице пол-
ный горькой ироніи укоръ въ запоздалости его ве-
ликодушія.

Укоръ средняго
старшему.

Дальше мы видимъ, что средній братъ изъ ру-
ководимаго и наставляемаго превращается въ руко-
водителя и совѣтника; онъ совѣтуетъ старшему от-
вѣтить всю правду о младшемъ отцу и матери въ
надеждѣ на ихъ милосердіе.

Советъ средняго
старшему.

Наконецъ, въ виду той лжи, которая была при-
поднесена отцу и матери старшимъ, не смотря на
данный ему совѣтъ открыть всю правду, средній

Признаніе сред-
няго брата ро-
дителямъ.

рѣшается вступить со старшимъ въ рѣшительную нравственную борьбу, освободиться, наконецъ, совершенно отъ всякой нравственной солидарности съ нимъ; онъ рѣшается открыть отцу и матери всю правду о младшемъ братѣ. Правда, что у него не достало рѣшимости сдѣлать это признаніе сразу, при первомъ же свиданіи съ отцемъ и матерью, зато удалось ему сдѣлать это при болѣе торжественной обстановкѣ, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, такъ сказать, всенародно, на пиршествѣ, на которое собрались, по выраженію думы, всѣ добрые люди. Тутъ на подмогу ему явилось вино, подъ возбуждающимъ вліяніемъ котораго развязался его языкъ и тайна прорвалась наружу.

Глубина и плодотворность раскаянія средняго брата.

Изъ сказаннаго видно, что раскаяніе средняго брата, въ противоположность раскаянію старшаго, было глубоко и плодотворно; подъ вліяніемъ его онъ какъ-бы перерождается, дѣлается самостоятельнѣе и мужественнѣе въ своихъ поступкахъ.

Прощеніе средняго брата родителями.

Дума сообщаетъ намъ, что отецъ и мать простили среднему сыну его невольное участіе въ поступкѣ съ младшимъ братомъ за то, что онъ чисто-сердечно открылъ имъ всю правду, и что, вслѣдствіе этого прощенія, средній сталъ жить въ домѣ отца и матери.

Жизнь средняго брата на родинѣ.

Въ одномъ изъ вариантовъ нашей думы замѣчено, что, между тѣмъ, какъ старшему, по изгнаніи изъ родительскаго дома, ни въ чемъ не было удачи, среднему брату, наоборотъ, во всемъ везло. Но это замѣчаніе о среднемъ братѣ, кажется, не болѣе, какъ результатъ стремленія къ созданію поэтической антитезы; едва-ли средній братъ, по сущности своего характера не особенно предприимчивый и энергичный, могъ, въ матеріальномъ отношеніи, устроиться

лучше старшаго брата, и, во всякомъ случаѣ, едва ли онъ могъ пользоваться полнымъ, цѣльнымъ душевнымъ счастьемъ и спокойствіемъ въ силу тяготившихъ надъ нимъ воспоминаній объ участіи его въ жестокомъ поступкѣ съ младшимъ братомъ.

Было уже упомянуто, что вопросъ о дальнейшей судьбѣ старшаго брата въ христіанской землѣ, послѣ изгнанія его изъ родительскаго дома, въ большей части варьянтовъ нашей думы, оставленъ безъ всякаго отвѣта; зато дума, какъ нельзя болѣе ясно, указываетъ намъ на то, что старшій братъ, кромѣ того, что погубилъ младшаго, этимъ самымъ навсегда разрушилъ и отравилъ счастье и душевное спокойствіе всѣхъ прочихъ членовъ семьи, къ которой онъ принадлежалъ: отца, матери и средняго брата.

Плоды жестоко-
сердія старшаго
брата.

Мы видѣли въ свое время, что основная часть нашей думы заканчивается картиною замѣтанія костей младшаго брата желтымъ пескомъ, взрытымъ и наносимымъ буйнымъ вѣтромъ, свободно разгулявшимся по степному простору. При помощи этого мощнаго заключительнаго штриха, дума какъ бы съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на то, что всѣ слѣды физическаго существованія пѣхотинца были замечены и сглажены съ лица земли равнодушною природою. Но сгладились ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слѣды его духовнаго существованія, сгладились ли и его нравственный образъ въ сердцахъ его братьевъ, по крайней мѣрѣ, средняго, и его родителей? Нисколько. Напротивъ того: именно съ этого-то момента несчастный мѣшій пѣхотинецъ, столь непритязательный и незлобивый при жизни, по представленію народнаго творчества, и начинаетъ жестоко и беспощадно мстить за себя, за свои мученія, за свою гибель старшимъ братьямъ и какъ

Вліяніе духов-
наго образа
младшаго брата.

бы неотступно жаловаться на нихъ своимъ родителямъ, какъ бы ища успокоенія на ихъ лонѣ. И результаты этого-то незримаго и неуловимаго, но сильнаго и мучительнаго воздѣйствія, этого тяжелаго и неотразимаго давленія нравственнаго образа погибшаго юноши на сердца братьевъ и родителей и изображаются въ драгоцѣнныхъ поэтическихъ картинахъ, представляемыхъ заключительною частью думы.

Мысль о младшемъ братѣ у старшихъ на р. Самарѣ. ●

Не удалось младшему брату, не смотря на всѣ его усилія, догнать старшихъ при жизни, и вотъ его образъ неотступно преслѣдуетъ ихъ по пятамъ, догоняетъ ихъ на границѣ родной земли, у рѣки Самары. Изъ обмѣна ихъ мыслей у рѣки Самары оказалось, что они оба думаютъ объ одномъ и томъ же предметѣ, что ихъ неотступно преслѣдуетъ образъ младшаго брата.

Мысль у средняго брата о младшемъ на пиру.

Не согласились старшіе братья взять его съ собою межъ коней и довести его къ отцу и матери, и вотъ онъ какъ бы самъ является незваннымъ на веселую пирушку, устроенную на родинѣ братьевъ, по случаю избавленія ихъ отъ неволи, какъ бы заявляя и свое неотъемлемое право на участіе въ ней. Нельзя по этому поводу не замѣтить, что хмѣльной напитокъ игралъ вообще немаловажную роль на длинномъ пути чело-вѣческаго развитія. Вино приводитъ въ одушевленіе, въ экстазъ даже самаго холоднаго, бездушнаго чело-вѣка. Все, крѣпко запертое въ его груди, съ неудержимою силою подымается со дна ея и стремится прорваться наружу въ изліяніи, въ болѣе или менѣ бурныхъ и стремительныхъ потокахъ взволнованной рѣчи, которая, въ свою очередь, производитъ соотвѣтствующій экстазъ и въ слушателяхъ или собесѣдникахъ. Тайна о младшемъ братѣ, да-

вившая среднего брата, прорвалась подъ возбуждающимъ вліяніемъ выпитаго имъ вина, въ его разсказѣ обо всѣхъ подробностяхъ ихъ поступковъ съ младшимъ братомъ въ степи, и веселая пирушка въ домѣ родителей неожиданно должна была разстроиться, превратившись въ похоронный пиръ, или, точнѣе сказать, поминки по младшемъ сынѣ.

Не удалось младшему брату прибыть въ гости къ отцу и матери, чего онъ такъ страстно желалъ, живымъ, и вотъ онъ отъ времени до времени изъ дикой степи является къ нимъ въ гости легкимъ призракомъ.

Призракъ младшаго брата.

Вотъ этимъ-то глубоко грустнымъ и въ высшей степени трогательнымъ поэтическимъ образомъ и заканчивается, какъ мы видѣли, наша дума въ своей заключительной части.

Нельзя не сказать при этомъ и того, что этотъ поэтическій образъ имѣетъ глубокое реальное основаніе. По смерти человѣка, тѣло его разлагается и обращается въ прахъ, и только въ сердцахъ родныхъ, друзей и знакомыхъ живетъ воспоминаніе о покойникѣ, его лицѣ, приемахъ и привычкахъ. Это и есть тотъ безтѣлесный образъ, который творитъ сила воображенія; образъ этотъ хранится въ нашей памяти и, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе живо и отчетливо вызывается предъ наши внутреннія очи, возбуждая въ насъ тѣ или другія чувства и размышленія. Вслѣдствіе т. н. галлюцинаціи, или обманна чувствъ, мы можемъ сознавать, что этотъ безтѣлесный образъ видится и чувственными нашими глазами, облекаясь въ вещественныя формы, видится, какъ нѣчто внѣ насъ находящееся или

происходящее, какъ призракъ, легкій, какъ воздухъ, съ которымъ онъ появляется и исчезаетъ, и такъ же, какъ воздухъ, неуловимый для осязанія. Само собою разумѣется, что это явленіе—ненормальное, болѣзненное, обусловливающееся болѣе и менѣе продолжительнымъ и значительнымъ душевнымъ утомленіемъ и разстройствомъ.

Этою реальностью основанія возникновенія видѣній объясняется, напр., и то, что всѣ привидѣнія, или тѣни, являющіяся на сцену въ произведеніяхъ гениальнѣйшаго изъ поэтовъ, Шекспира (тѣни Юлія Цезаря, Банко, Гамлета), столь поразительно жизненны и правдоподобны.

Въ такой-же степени жизненно и правдоподобно явленіе призрака младшаго сына къ отцу и матери и въ нашей думѣ.

Оно говоритъ намъ о томъ, что мыслью о несчастномъ пѣхотницѣ воображеніе родителей было подавлено и потрясено до болѣзненности.

Не трудно представить, въ какомъ видѣ, съ какимъ, такъ сказать, выраженіемъ на лицѣ являлась тѣнь младшаго брата отцу, матери и, какъ можно предполагать, среднему брату, и какое производила вліяніе на ихъ душевное состояніе.

Понятное дѣло, что если бы младшій сынъ палъ гдѣ нибудь въ битвѣ съ бусурманами, добывая себѣ «рыцарской славы», если бы онъ даже погибъ въ турецкой неволѣ, его легкая, прозрачная тѣнь, если бы таковая и посѣщала иногда его родителей, во всякомъ случаѣ являлась бы не такою мучительно жалостною, не такою скорбною, щемящею и бередающею душу, какъ та голодная тѣнь, которая являлась изъ дикой степи.

Но эта тѣнь, тѣнь изстрадавшагося, замученнаго голодомъ юноши, которому старшій братъ предпочелъ дорогое сѣдло, да тюкъ шелковой одежды, и отъ котораго хотѣлъ избариться, чтобы захватить его долю наслѣдства,—такая тѣнь, конечно, могла разстраиывать и сокрушать его родителей и среднего брата, какъ мимовольнаго участника въ поступкѣ старшаго, до конца ихъ жизни и отравлять каждую ихъ радость.

Итакъ, между тѣмъ какъ основная часть нашей думы изображаетъ жестокосердый поступокъ старшаго брата съ младшимъ, слѣдствіемъ котораго была голодная смерть младшаго, заключительная часть изображаетъ плоды, или результаты этого жестокосердія: горе родителей и среднего брата.

По одному изъ вариантовъ думы оказывается, какъ мы видѣли, что, несмотря на свои неудачи, старшій все таки копошится, приводитъ свои планы въ исполненіе и, прежде всего, строитъ себѣ дорого стоящій домъ, стало быть, основывается, такъ сказать, для дальнѣйшихъ преуспѣяній на поприщѣ жизни.

Въ виду всего этого къ глубокому чувству сожалѣнія о младшемъ братѣ, возбужденному въ слушателяхъ основною частью думы, должно было присоединиться еще и чувство состраданія къ несчастнымъ отцу, матери и среднему брату, возбуждаемое заключительною частью; а то презрѣніе къ старшему, которое возбуждено основнымъ рассказомъ, при слушаніи заключительной части, должно было усиливаться и дойти до высшей степени.

Изъ сказаннаго видно, что въ заключительной части нашей думы по ея полной редакціи мы нахо-

димъ, выполнѣ достойную, мастерскую дорисовку основного разсказа, дающую выполнѣ удовлетворительные отвѣты на вопросы, возбуждаемые этимъ послѣднимъ.

(Общая мысль
думы.

Нельзя не признать, что общая, отвлеченная мысль, почерпаемая изъ содержанія нашей думы,— мысль объ *эгоистическихъ вожделѣніяхъ, неразби-
рающихъ средствъ для своего осуществленія, какъ о на-
чалахъ, разлагающихъ и отравляющихъ общежитіе,* далеко не нова : она становится извѣстною не позже, какъ именно съ того времени, съ котораго начинается помнить себя человѣчество ; но, съ другой стороны, нельзя не признать также и того, что это одна изъ тѣхъ истинъ, которыми, въ жизни чело-
вѣческихъ обществъ, суждено оставаться вѣчно новыми.

Каждое челоѣческое общество, уже по инстинкту самосохраненія, стремилось, въ большей или меньшей степени, въ тѣхъ или другихъ формахъ, наложить на упомянутыя эгоистическія вожделѣнія и стремленія, ни предъ чѣмъ не останавливающіяся и дѣйствующія на общественныя связи въ разрушительномъ направленіи, извѣстныя пути, поставить имъ болѣе или менѣе опредѣленные предѣлы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стремилось возбуждать и развивать начала и стремленія противоположнаго характера, дѣйствующія на общественную жизнь благотворнымъ, зидительнымъ образомъ, т. е. свѣтлыя и радостныя чувства любви и состраданія къ ближнему.

Стремилось къ этому, какъ это доказываетъ и наша дума, и козацкое общество. Поступки, подобныя поступку старшаго брата, конечно самымъ

кореннымъ образомъ противорѣчили козацкой, рыцарской морали. По этой морали братья, при своемъ бѣгствѣ изъ Азова, конечно, должны были крѣпко держаться другъ друга, не покидать другъ друга безъ взаимной помощи ни въ какомъ случаѣ: если спастись то всѣмъ вмѣстѣ, если погибать, то тоже — всѣмъ вмѣстѣ. Вслѣдствіе такого взгляда, поступки, подобные поступку старшаго брата, должны были глубоко возмущать общественную совѣсть. Негодованіе, возбуждаемое подобнаго рода поступками которые, повторялись болѣе или менѣе часто въ дѣйствительности, искало себѣ выраженія, выхода, и вотъ оно и выразилось во вдохновенномъ поэтическомъ творествѣ народныхъ рапсодовъ, прорвалось въ ихъ страстной дикціи, зазвучало въ дребезжащей струнѣ ихъ самодѣльной лиры.

Исслѣдователей русскаго народнаго эпоса, слушавшихъ какъ олонекскихъ сказателей богатырскихъ былинь, такъ и южно-русскихъ исполнителей козацкихъ рапсодій, поражалъ глубокій контрастъ въ способѣ исполненія пѣсенъ тѣми и другимъ. Спокойному, безстрастному, т. е. ск., безучастному, ровному, и за унывному напѣву олонекскихъ сказателей, несопровожаемому никакимъ акомпаниментомъ, до крайности противоположна одушевленная, взволнованная, страстная дикція южнорусскихъ пѣвцевъ, сопровождаемая прерывистымъ подыгриваніемъ на бандурѣ или лирѣ ⁸⁵).

Правоучительная тенденція думы.

Конечно, различіе это, въ той или другой мѣрѣ, можетъ быть объясняемо различіемъ темпераментовъ, сѣвернаго и южнаго; но, кажется, что тутъ есть еще и другое основаніе, зависящее отъ самаго содержанія пѣсенъ.

Дѣло въ томъ, что воображеніе олонецкихъ сказателей вращается какъ бы въ давно отжившемъ, сказочномъ, фантастическомъ мірѣ, нисколько непохожемъ на міръ дѣйствительности, а потому имъ и мало дѣла до этой послѣдней, а потому-то и ихъ напѣвъ носить на себѣ печать того величаваго спокойствія, въ которомъ вообще рисуется намъ все давно отжившее. Козацкія думы чужды какого бы то ни было рода фантастичности, не отличаются даже цвѣтистостью картинъ; все въ нихъ просго, реально, все до мельчайшихъ подробностей соотвѣтствуетъ условіямъ мѣстности и бытовой дѣйствительности, что, очевидно, является результатомъ непосредственнаго и творческаго участія самого народа въ историческихъ событіяхъ временъ козачества. Въ страстномъ исполненіи козачьихъ думъ южно-русскими пѣвцами какъ бы прорывается наружу стремленіе провести выражаемыя въ нихъ начала и нравственныя тенденціи въ жизнь, расположить слушателей *не только къ хорошимъ чувствамъ и мыслямъ, но и къ хорошимъ поступкамъ*. Для достиженія этой цѣли они пускали въ дѣло всѣ могучія средства своего поэтического дара, и поэтъ превращался при этомъ въ оратора, поэма—въ одушевленную ораторскую рѣчь съ ея страстностью, паѳосомъ⁸⁸).

Вотъ въ такую то ораторскую рѣчь, при ея исполненіи, превращалась и наша козачья рапсодія, и высоко-художественными патетическими частями являлись въ ней изображенія *смерти* младшаго брата въ основной ея части и появленія *тѣни* его въ заключительной.

При разсмотрѣніи основной части нашей думы, было замѣчено нами, что весь драматизмъ, весь па-

есть ея сосредоточенъ на изображеніи судьбы младшаго брата; изъ заключительныхъ словъ думы мы видимъ, что и по сознанію самихъ пѣвцевъ дума наша есть не что иное, какъ *пѣсня* (слава, молва) о *младшемъ братѣ*, провозглашаемая всенародно съ цѣлью поученія и назиданія слушающихъ.

Обличительно—жалобная пѣсня эта живо поэтому, напоминаетъ собою пѣсню той волшебной сказочной дудки, которая вырѣзана была чумакомъ изъ тростника, выросшаго на могилѣ безвинно убитаго братомъ юноши и открыла міру это тайное убійство :

«Брат мене убив,
На лану зарив,
За того веприка,
Що в саду рив!» и пр. ⁸⁷⁾.

Но сосредоточивъ весь интересъ своей пѣсни на изображеніи *младшаго брата*, козацкая муза, какъ бы сознавая свое безсиліе передѣлать существующую дѣйствительность иными средствами, въ своей пѣснѣ выводитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и *старшаго брата*, какъ виновника гибели младшаго, на всенародное позорище, привязываетъ его къ позорному столбу, провозглашаетъ о немъ по весямъ и градамъ, наперепутьяхъ и торжищахъ, въ поученіе и назиданіе молодымъ козацкимъ поколѣніямъ. Такова нравоучительная тенденція нашей козацкой рапсодіи, одного изъ самыхъ глубокихъ и трогательныхъ созданій козацкой эпической музыки.

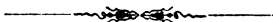
Въ ея заключительныхъ словахъ, какими обыкновенно заканчиваются и вообще козацкія думы о томъ или другомъ героѣ выражается увѣренность въ томъ, что память (слава молва, слухъ, пѣсня) о младшемъ братѣ, погибшемъ вслѣдствіе эгонизма старшаго, не умретъ, не погибнетъ.

Живучесть
думы

И, что всего удивительнѣе, это простодушное пророчество, по отношенію къ нашей думѣ, не осталось лишь не болѣе, какъ обычною фразою, ибо нельзя не обратить вниманія на то, что въ то время какъ другія историческія козацкія думы сдѣлались уже непонятными простонародью и почти совершенно уже забыты, дума объ азовскихъ братьяхъ избѣжала этой участи и, какъ было сказано, заучивается и поется и въ настоящее время и молодымъ поколѣніемъ народныхъ пѣвцевъ. Причина этой ея живучести заключается, очевидно, въ жизненности ея общей мысли и нравоучительной тенденціи, живо интересующихъ публику и близко примѣнимыхъ къ цѣлому ряду явленій современнаго народнаго быта.

Поэтому кажется, въ достаточной степени ясно, что и каждый изъ народныхъ пѣвцевъ, участвовавшихъ въ ея созданіи, имѣлъ бы такое же право, какъ и Пушкинъ, а пожалуй, еще и большее, сказать о себѣ, о своемъ творчествѣ:

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ».

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Сочиненія *Пушкина*, по новому изданію, стихотвореніе: «Памятникъ».

2) Я разумѣю здѣсь въ особенности трудъ *О. Ѡ. Миллера*: «Илья Муромецъ и богатырство кіевское», Спб. 1860 года.

3) Первое упоминаніе о нихъ встрѣчается подъ 1506 годомъ, у польскаго историка *Сарницкаго*, въ его: «Annales sive de origine et gestis polonorum et lituanorum», 1587, VII, стр. 379:» (Въ то время, окруженные Волохами, пали два брата Струси, юноши храбрые и воинственные. О нихъ еще и теперь поются элегіи, называемыя у русскихъ *думами* (elegiae, quas *dumas russi* vocant). Грустный напѣвъ и движенія пѣвцевъ, покачивающихся то въ ту, то въ другую сторону, согласуются, при пѣніи этихъ думъ, съ ихъ содержаніемъ. Сельское простонародье, подражая этимъ напѣвамъ, варьируетъ ихъ, подыгрывая отъ времени до времени на дудкахъ».

4) Историческія пѣсни малорускаго народа, т. I, Кіевъ, 1874; т. II, вып. I, Кіевъ, 1875 г.

5) Замѣтки о нашей думѣ встрѣчаются въ статьяхъ *О. Ѡ. Миллера*: «Малорусскія народныя думы и кобзарь Остапъ Вересай» (Древняя и новая Россія 1875, № 4, стр. 357 — 8) и *Н. И. Костомарова*: «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго пѣсеннаго творчества» (Русская Мысль 1880, № 2, стр. 42 — 57). — Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ думѣ, см. въ «Этимологическихъ замѣткахъ» *А. А. Потебни* (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879, № 2, и 1881, № 2).

6) Сокращенія при-ссылахъ: *Кол.* — вариантъ *Колыбабы*, *Ник.* — *Никоменка* и т. д. — Такъ какъ варианты нашей думы, помѣщенные въ «Историческихъ пѣсняхъ», напечатаны съ нумераціею стиховъ, то я и пользуюсь ею при

ссылкахъ на эти варианты. При ссылкахъ на варианты *Кост. и Котл.*, помѣщенные въ «Русской Мысли», въ подстрочныхъ выдержкахъ, я указываю сперва *М* выдержки, затѣмъ стихи самой выдержки. При ссылкахъ на варианты *Крюк.*, помѣщенный въ «Кіевской Старинѣ», я указываю сперва на страницу, затѣмъ на стихи этой страницы, считая сверху.

7) Онъ указываетъ въ полт. губ. молодыхъ кобзарей *Ивана и Аванасія* въ м. Хомутцѣ миргор. у., кобзаря въ м. Комышинѣ того же уѣзда и лирника въ м. Сенцѣ близъ г. Лохвицы.

8) *Скальковский*, «Исторія новой сѣчи», т. II, стр. 8 — 10.

9) Пособіями для изученія географическихъ данныхъ, относящихся къ думѣ, служатъ: карта *Боплана* по изд. Бантышъ — Каменскаго 1829 года; специальная карта европ. Россіи, изданная подъ ред. полков. *Стрѣльбицкаго*, листы 47, 48, 61 и 62-й; «Книга большого чертежа» по изд. *Спаскаго*; «Матеріалы для историко—статистическаго описанія екатеринославской епархіи», вып. 1 и 2-й, Екатеринославъ, 1880 года; «Географическо — статистическій словарь россійск. имперіи» *И. Семенова*, т. I — V, Спб. 1863 — 75, и пр.

10) Книга Б. Чертежа, прим. 172.

11) «Малорусскія народныя преданія и рассказы», Кіевъ, 1874, стр. 240.

12) Записки юго-западнаго отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. I, стр. 7 — 10.

13) На южной сторонѣ этой могилы расположены *Савурскіе*, или *Савуръ — могильскіе* хутора (См. у Семенова статья: «Миусскій округъ» и «Донского войска земля»). — На картѣ Стрѣльбицкаго (листъ 61-й) обозначена и самая могила. — Имя ея, должно быть, тюркскаго происхожденія. *Ср. саур — так*, или *саур — кон*, савурскія горы, въ ю. — в. части семипалатинской области (Семен.). — Къ этой то именно горѣ и относятся многія народныя преданія и рассказы (См. Малор. нар. пред. и рассказы, статья: «Савуръ — могила», стр. 236 — 240). — Эта же самая Савуръ — могила выступаетъ и въ общезвѣстной пѣснѣ о Морозенкѣ, который, по пѣснѣ, погибъ въ битвѣ съ татарами именно у этой могилы. — Такъ какъ эта знаменитая Савуръ — могила, очевидно извѣстна была въ болѣе древнее время запорожцамъ, ходив-

шимъ мимо нея къ устью Дона и на Кагальникъ, а въ позднѣйшее — чумакамъ, ходившимъ изъ лѣвобережной Украины въ Ростовъ и Мариуполь, то это обстоятельство и можетъ служить, кажется, достаточнымъ объясненіемъ того, что имя ея приурочено къ разнымъ другимъ курганамъ въ разныхъ мѣстахъ Южной Россіи (такъ, напр., въ каневскомъ у. кievской губ. есть Савуръ — могила въ полутора верстѣ отъ села Медвина, близъ дороги въ с. Красногородку) и столь распространилось въ южно-русскихъ пѣсняхъ, что обратилось какъ бы въ украшающій эпитетъ, сдѣлалось именемъ пѣсеннаго кургана вообще, какъ бы кургана типическаго, являющагося представителемъ тѣхъ многочисленныхъ кургановъ, которыми въ изобиліи устланы степи Южной Россіи.

14) *Beauplan* : «Description d'Ukraine», Rouen, 1660, p. 55 — 7.

15) *Чертомлыкъ* — небольшой правый притокъ Днѣпра екат. губ. и уѣзда. — Січа, по словамъ Боплана, была въ его время «на островѣ, среди Днѣпра находящагося, нѣсколько пониже р. Чертомлыка» (*Descr. d'Ukr.*, p. 23 — 4).

16) У Боплана Волчья — вода названа *Tacza* — *woda*, но что рѣчь идетъ у него о Волчьей, — это ясно видно изъ контекста.

17) Теперь село *Старые Кайдаки* на правомъ, возвышенномъ берегу Днѣпра, верстахъ въ 12-ти ниже Екатеринослава, противъ перваго, кайдацкаго порога, старинное польское укрѣпленіе, котораго валъ сохранился и донынѣ.

18) Современникъ Боплана, *Эмилъ эфенди* (*Narrative of travels*, transl. by Hammer, 1850, II, 57 — 67), говоря о Міусѣ, также имѣлъ въ виду не нынѣшній Міусъ, но сосѣдственный ему Кальміусъ. — Въ Книгѣ Большого Чертежа подъ *Міусомъ* несомненно слѣдуетъ разумѣть Кальміусъ: «А отъ Бѣлаго кладязя къ верхъ рѣчки Крымки, а отъ рѣчки Крымки къ верхъ рѣчки Міусу» (стр. 26). Обозначеніе пути идетъ здѣсь по направленію отъ востока къ западу.

19) Путь этотъ существовалъ до позднѣйшаго времени. Въ «Матеріалахъ для описанія екатеринославской епархіи» мы встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: «Оказывается, что по теченію Самары и Волчьей до Міуса (Кальміуса?), — рѣкъ въ то время судоходныхъ, на многихъ прибрежныхъ

пристаняхъ и станціяхъ Самарскій монастырь имѣлъ свои *скитки* съ малымъ числомъ монашествующихъ. По распоряженію Коша, это сдѣлано было на случай удовлетворенія духовныхъ нуждъ лицъ, плававшихъ въ азовское море изъ Днѣпра чрезъ Самару, Волчью и Миусъ» (вып. I, стр. 473, прим.). Такія пристани, какъ это видно изъ «Матеріаловъ», были въ тепер. селѣ *Кочережкахъ* павлогр. у., на правомъ берегу Самары, и слободахъ: *Алексѣевкѣ* и *Андреевкѣ* бахм. у., на прав. берегу Волчьей. Въ послѣдней когда-то, какъ замѣчено въ «Матеріалахъ», *сидѣли зимовники* чины и рабочіе запорожской гребной флотиліи.»

20) Изъ «Матеріаловъ» мы узнаемъ, что около 1760 г., по распоряженію Коша, по направленію упомянутого судового пути, отъ города Самара (тепер. Новомосковска), лежащаго на правомъ берегу Самары, проложенъ былъ и сухопутный *секретный козацкій шляхъ*, ведшій, съ одной стороны, къ кальміусской паланкѣ (тепер. Маріуполю), съ другой, — къ Дону и Кагальнику. Главными станціями на этомъ пути были: слобода *Матѣевка*, что теперь г. Павлоградъ, и урочище *Васильково*, теперешняя слобода Васильковка павлогр. у., лежащая на правомъ берегу Волчьей, а также упомянутая уже нами выше слобода *Алексѣевка*.

21) Въ основаніи слова *бузракъ*, *байракъ* лежитъ тотъ же корень, что и въ глаголѣ *буять*, что значить: вырастать, нѣжиться на просторѣ, въ холѣ, на своей волѣ, на вѣтру. Ср.: «така бузина скрізь, якъ ліс; та *буле* так, що продертися трудно» (Малор. нар. пред., стр. 80). — Дикій *терновникъ* — растение *ilex*. — *яворъ* въ малор. яз. — асер *pseudoplatanus*, нѣмецкій кленъ (Даль).

22) «Вблизи могилы былъ дубовый лѣсъ, а теперь его нѣтъ: *сплендрували*; остались кое — гдѣ пеньки, а отъ нихъ ндутъ отростки» (Малор. нар. пред., стр. 240).

23) Если имѣть въ виду, что рѣчки очень часто получаютъ свои имена отъ растеній, покрывающихъ ихъ берега (въ разсматриваемой нами мѣстности: *Ольховка*, *Лозовая*, *Калышевата* ит. д.), то можно предположить, что и Волчья могла получить свое имя отъ растенія *волчецъ*, *волчій кустарникъ*. *Волчецъ* — общее названіе колючихъ сорныхъ травъ (Даль).

24) «Когда-то были на степях бурьяны да камышъ такіе, что выше человѣка, а трѣны — по поясъ, потому что никогда ихъ никто не косилъ. Косить тогда было очень трудно, потому что межъ травой была *нѣжсеръ* (старая трава). А мало ли тогда было звѣря всякаго да птицъ! Боже мой! Теперь все перевелось: ни тѣхъ птицъ, ни того звѣря; только зайца волка да гавряха (ворону) и видишь. А рѣчки, *Кашилаичъ Волноваха*, — развѣ такими были, какъ теперь, что лѣтомъ негдѣ и жабѣ сѣсть? Вѣдь онѣ когда-то не высыхали, и рыба въ нихъ, бывало, ажъ кишить» (Малор. нар. пред., стр. 241).

25) Въ 1569 г. польскій посолъ Тарановскій, выѣзжая изъ Перекопа въ Азовъ берегомъ азовскаго моря, долженъ былъ набрать провизіи на одиннадцать дней. На этомъ своемъ пути посолъ указываетъ одно только обитаемое мѣсто, а именно при устьи Міуса (Кальміуса?), куда изрѣдка являлись (по судовому пути?) козаки «стрѣлять звѣря и разбивать татаръ» (*M. Bielski*, «Kronica polska», стр. 628, 636).

26) У *Колыб.*, *Макс. и Кост.* — «муравскій шляхъ», у *Брюк.* — «мур. шляхи», у *Вер. и Кряк.* — «мур. степи».

27) Книга Б. Чертежа, прим. 6-е. — *Мурафа* — слобода, при рр. *Мерчикъ и Мурафъ*; въ ней была земляная крѣпость, охранявшая ее нѣкогда отъ татарскихъ набѣговъ.

28) «Матеріалы», вып. 2, стр. 273 и вып. 1, стр. 256. — Слобода *Конскіе Раздоры* получила свое имя отъ того, что р. Конка, при слободѣ *раздирается*, т. е. раздѣляется на два рукава. — *Славянка* на лѣв. берегу р. Быка. *Гончарова* балка называется по имени запорожца Гончара, сидѣвшаго въ ней зимовникомъ и *лякавшю* татарву.

29) «Матеріалы», вып. 2, стр. 282. — Слобода *Гавриловка* при рѣкѣ *Каменкѣ*, правомъ притоку Волчней. — На картѣ Стрѣльбицкаго (листъ 47) обозначена маленькая рѣченка *Злодѣйская*, впадающая съ прав. стороны въ Каменку верстахъ въ трехъ выше Гавриловки.

30) На картѣ Стрѣльбицкаго (листъ 47) первымъ на Самарѣ, считая отъ верховья, обозначенъ лѣсъ между слободами *Башиловкой и Верхнесамарской*, на лѣвой сторонѣ Самары.

31) «А *ниже* (ошибкой вм. *выше*) Волчьихъ водъ гала въ Самаръ рѣка Быкъ, а межъ Волчьихъ водъ и Быка мечеть татарская каменная; а *лосу съ тѣхъ мѣсть до Перекопнѣтъ*» (Кн. Б. Ч., стр. 19).

32) У *Кост.* о туманѣ упоминается, какъ о явленіи, дѣйствительно происходившемъ, во всѣхъ прочихъ варьянтахъ — въ видѣ отрицательнаго сравненія.

33) Что здѣсь рѣчь идетъ о ласточкѣ, а не о кукушкѣ, къ этому приводятъ насъ слѣдующія данныя и соображенія: а) По поводу слова *зеизица*, встречающагося въ Словѣ о полку игоревѣ, г. Погосскій (Слово о полку игоревѣ, Спб., 1871, стр. III) сообщаетъ, что въ новгородской губерніи ему приводилось слышать, что такъ называютъ иногда ласточку; б.) *Заозки*, въ изданныхъ г. Е. Барсовымъ «Причитаньяхъ сѣвернаго края», означаетъ не кукушку, какъ думаетъ издатель, но ласточку, что ясно видно, напр., изъ слѣдующихъ стиховъ (т. I, стр. 73):

«Налетятъ да птички *ластушки*,
сѣры малыя *заозочки*».

Очевидно, что загозочкой здѣсь названа таже ластушка: кукушкѣ въ тѣхъ же «Причитаньяхъ» усвоится вездѣ имя «кокоша». Притомъ, кукушка — птица вовсе не *малая* сравнительно, напр., съ ласточкой, и не *спрал*, а рябая, пестрая. Итакъ, *зеиз* — ицей, *загоз* — кой, именами подобозвучными и, по всей вѣроятности, однокоренными съ именемъ *зоз* — *уля* (= *зегз* — *уля*), въ нарѣчьи сѣверно-русскомъ, сохранившемъ въ себѣ, какъ извѣстно, много арханизмовъ, разывается не кукушка, а ласточка; в.) Эпитетъ *сизал* есть постоянный эпитетъ не кукушки, но ласточки, и едва ли онъ можетъ подходить къ кукушкѣ, такъ какъ кукушка птица пестрая, *рябая*, какъ и называется она нерѣдко въ пѣсняхъ; г.) имя *ласточки* нерѣдко употребляется въ народномъ языкѣ, какъ ласкательный эпитетъ нѣжной матери или сестры. Мнѣ самому приходилось въ дѣтствѣ не разъ слышать повѣрье, что убивать ласточку грѣшно, что кто убьетъ ласточку, у того непременно умретъ мать. — Всѣ эти данныя указываютъ, кажется, на то, что подъ *сизой зозулей* въ нашей думѣ слѣдуетъ разумѣть ласточку, и что, вообще, народные поэтическія представленія, которыя были первоначально связаны съ лас-

точкой, могли быть приурочены къ кукушкѣ въ сравнительно позднѣйшее время.

34) *Нѣжарь* — новоросс., *нѣжель* тульск. = *нѣпарь*, ветошь, прошлогодняя трава, невыжатая паломъ. Свалившись кошмой, она не даетъ ходу молодой травѣ (Даль).

35) У *Вер.* пожаръ преслѣдуетъ младшаго брата и въ зеленыхъ байракахъ; но это изображеніе явилось, конечно, какъ чисто механическое повтореніе сказаннаго выше, при изображеніи бѣгства младшаго брата по открытой степи.

36) *Негд*: *Gesch. des Levantenhand.*, II, стр. 543 — 550.

37) Воспоминанія объ этихъ набѣгахъ очень живо сохраняются въ малорусскихъ пѣсняхъ. См. въ «Историческихъ пѣсняхъ» *ММ* 21 — 9. — О торговлѣ плѣнными въ Крыму въ XVI вѣкѣ рассказываетъ очевидецъ *Михаилъ Литвинъ* въ своемъ сочиненіи: «*De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum*», Базель, 1815, *Fragmina X etc.*

38) «Записки о Московіи», перев. *Анонимова*, стр. 144. — Сигизмундъ *Герберштейнъ* въ Москвѣ былъ два раза: въ 1517 и въ 1525 гг.

39) *Кульбака* (*Ник.*) южн. = верховое сѣдло; *кульбака* тамб. = козачье сѣдло (Даль). — *Опрані кульбаки* — *kulbaki* (= сѣдла) *opranie w srebro albo złoto*. (Этимологическія замѣтки Потебни, Р. Ф. В. 1879, *М* 2, стр. 254). — *пицаль* (*Кол.*) — ружье, ружница (Даль). — *Семипядная* = въ семь пядей; *пядь* = мѣра въ $\frac{1}{4}$ аршина (Даль).

40) Одежда и ея матеріалъ, въ частности, въ разныхъ варьянтахъ думы обозначаются разными названіями: каптанъ, жупанъ, луданъ, хвантина, китайка, киті, китиці. — *хвантина*, должно быть, искажено изъ *левантина*, а это — кипорная (въ которой утокъ идетъ наискось, образуя непрямую рѣшетку) шелковая ткань, привозимая съ востока, изъ Леванта. — *луданъ* — тоже, что *камка* или родъ *камки*, а *камка* — это шелковая китайская ткань съ разводами. — Итакъ всеякомъ случаѣ оказывается, что каптаны на братьяхъ были изъ шелковой матеріи. У *Ник.* они названы *зелеными*. Зеленый цвѣтъ особенно любимъ турками. — Что касается подкладки у *капановъ*, то она была изъ китайки, или кити, а *китайка* — простая бумажная ткань, начальо — мутножелтая и вывезен-

ная изъ Китая. — *китиці* (Кол.), *киті* (Кост., Срезн.) — искаженіе слова *китай*. Китай, польск. *kitaj* есть первообразное слова *китайка* (Этим. замѣтки Потебни, Р. Ф. В. 1879, № 2, стр. 254 — 5).

41) *Киреею* въ южной Россіи называется широкій чекмень съ застѣжками, а *шата* въ старину — плащъ, бѣхавень. Ср: «Долженъ бѣше противу послу изыти пѣшо на милоу, безъ шаты» лѣт.; теперь *шата* южн. и зап. — окладъ, риза иконы (Даль).

42) У Кол., Ник. и Крячк. «меж (міждо) коні»; у Срезн. «між себе на коні».

43) О. Миллера: «Малор. нар. думы», стр. 357.

44) Софійскій Временникъ, ч. II, стр. 399. — Въ Словѣ о полку игоревѣ: «сѣ тоя же Каялы Святополкъ повелѣя отца своего между угорскими иноходци ко святѣй Соѣи, къ Києву. По объясненію г. Потебни (Слово о и. п., стр. 55), *повелѣя* — *поле.ля*, т. е., какъ въ зыбкѣ качая, понесъ на коврѣ, напр., между иноходцами, какъ везли Палія на ряднѣ между четырьмя конями (Малорусскія нар. пред., стр. 203). — Намекъ на подобный способъ ѣзды сохранился, кажется, у Крячк: «Що ти будеш коні *ваковати* (отъ куль — вака?), Между коні ваготу набірати».

Любопытный обращикъ искаженія, замѣны и толкованія выраженій, сдѣлавшихся уже непонятными, представляетъ здѣсь варьянтъ *Вересая*: вмѣсто *коні* — *дні*, вм. *между коні* — *на коні*:

«Та дні *вакував* (се — б то гаів),

Та на коні вагу набірав».

45) *Кост.* 118, I; *Крюк.* 499, 1 — 3; *Срезн.* 1. — Ср. прим. 32-е.

46) *Кост.* 118, 2 — 3:

«Тогді *три* (два?) брати рідненькі вівно з тяжкої неволі втікали,

Меншого брата, пішого пішеницю, покидали».

47) Аналогическіе образы встрѣчаются въ «Историческихъ пѣсняхъ»; см. «Поединокъ съ турскимъ царемъ»:

«А пожар ніжни все поджигас;

Кривци слідки все заливає»;

«Двѣ сестры пѣшынцы у турокъ»;

«Повели их по жерниці»;

А жерниця ніжки коле,
 «Чорну кровцю проливає»;
 «Три поповны въ плъну у турокъ :
 «Пісок пальці роззідає,
 Кровця пукн заливає» .

Ср. Лавр. лѣт. 217 : «незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, назн ходяще и боси, ноги и лице свободны терньемъ»
 и пр. Ср. прим. 34 — 5.

48) *Макс.* 6 — 15.

49) *Кол.* 29 — 46. — Ср :

«То брат *старший* згорда словами промовляе
 «Чи подобенство, брате, тебе рубати?» (*Ник.*)
 и «То *середульший* (вм. *старший*?) тее зачував,
 «Словами промовляв :

«Сего, брате, ізроду нігде не чували» и пр. (*Макс.*).

50) *Кол.* 53 — 4; *Срезн.* 29 — 30; *Крюк.* 500, 6 — 7
 и 31 — 2; *Кост.* 136, 1 — 2.

51) Ср : «Скоро стали вони до *Міуса*, до байрака добігати» (*Кост.*)

«І до байраків, до *мелюсів* добігали» (*Кол.*)

Въ варьянтѣ *Манжуры*, по сообщенію г. Потебни, упоминается *Міусь*. — Подъ *Міусомъ* тутъ слѣдуетъ разумѣть *теперешній* *Міусь*, гдѣ, по пути братьевъ, и начинались байраки. Какъ у *Кост.* ед. «до байрака» явилось вм. мн. влѣдствіе аналогіи ед. «до *Міуса*», такъ, наоборотъ, у *Кол.* мн. «до *мелюсівъ*» (искаженіе вм. *Міусівъ*?), вм. ед., явилось подъ вліяніемъ аналогіи мн : «до байраківъ». Впрочемъ я слышалъ (не знаю, правда ли это?), что въ славяно-сербскомъ уѣздѣ *мелюсомъ* называется тоже, что въ другихъ мѣстахъ называется *шелюгомъ*. — Шелюга — красноталъ, *salix rubra* (Даль). — У *Кол.* упоминается объ отдыхѣ старшихъ у Савуръ — могилы послѣ бросанья ими китайки на муравской дорогѣ; но дѣло-то въ томъ, что Савуръ-могила находилась, по пути братьевъ, не на муравской дорогѣ, гдѣ никакой такой могилы нѣтъ, но именно между теперешними рр. *Міусомъ* и *Кринной*, верстахъ въ 20-ти за *Міусомъ*.

52) У *Кол.* братья поджидаютъ младшаго у Савуръ-могилы, которая переносится на муравскую дорогу; у *Кост.* средній выступаетъ съ просьбой о привалѣ и подожданіи млад-

шаго при вступленіи въ байраки; у *Грезн.*, *Вер.*, *Крячк.* и *Крюк.* — по выѣздѣ изъ байраковъ, при вступленіи на муравскую дорогу.

53) Кост. 138, 1 — 5.

Ср. «будуть кримці та нагайці, безбожні бусурмени, Тебе, пішого піхотинця, на спочинкахъ минати, А нас будуть кіньми (= климитъ?) дотаняти» (*Ник.*)

Савуръ — могила, какъ это замѣтилъ Вересай, видна за два или за три дни, пока дойдешь къ ней; стало быть, до Савуръ-могилы, хотя старшіе и вѣхали уже въ байраки, не было особенной надобности оставлять для младшаго примѣту, такъ-какъ онъ и безъ примѣты могъ добраться до этой издали видной горы. Дальше же, дойдя до Савуръ-могилы, младшій могъ незнать, въ какую сторону идти и легко могъ сбиться съ пути. Естественнo, что средній и предложилъ старшему сдѣлать привалъ и подождать младшаго именно у Савуръ-могилы, какъ такого пункта, къ которому младшій братъ непремѣнно долженъ былъ прійти.

54) *Макс.* 33 — 5; *Крюк.* 500, 33 — 501, 1.

55) Ср. «Тъ як стали на мурав — степи виіжджати» *Вер.* и «Виіхали на степа, на моря (= морав — степа?)» *Крячк.* — *леліє* (*Кол.* и *Кост.*) = колеблется.

56) *Кол.* 63 — 78; *Ник.* 77 — 86; *Кост.* 144, 1 — 2 и 48, 1 — 4; *Котл.* 147, 1 — 4.

57) *Кол.* 79 — 92; *Котл.* 150, 1 — 4; *Крячк.* 83 — 6.

58) У *Кол.*, *Срезн.*, *Макс.*, *Крячк.* и *Крюк.* вопросъ объ отвѣтѣ отцу и матери предлагаетъ средній старшему, причемъ старшій угрожаетъ ему смертью. У *Ник.* и *Котл.* вопросъ этотъ предлагаетъ старшій среднему послѣ того, какъ онъ, старшій, обнаружилъ порывъ раскаянія, слѣд., когда уже братья помѣнялись, такъ сказать, ролями. Очевидно, слѣд., что тутъ свѣшаны два разговора, оба объ одномъ и томъ же предметѣ, но происходившіе въ разное время, при неодинаковыхъ обстоятельствахъ, и совершенно, повтому, различнаго характера.

59) *Кол.* 98; *Ник.* 63 — 4; *Кост.* 139, 1 — 3; *Патл.* 156, 1 — 2. Ср. *Ник.* 130 — 1.

60) *Кол.* 99 — 109; *Ник.* 65 — 73; *Кост.* 139, 4 — 5; *Котл.* 140, 3 — 7.

61) *Кол.* 110 — 6; *Ник.* 91 — 5; *Срезн.* 58 — 60; *Макс.* 41 — 2; *Вер.* 100 — 2; *Крячк.* 87 — 92; *Крюк.* 502, 2 — 3; *Кост.* 153, 1 — 2.

62) У *Котл.* азовская *погоня*, у *Срезн.*, *Макс.* и *Крюк.* *погоня* изъ города Азова; у *Кол.*, *Вер.* и *Кост.* упоминается здѣсь *азовская орда*, у *Ник.* вообще *юрда* (= *орда*), у *Крячк.* фигурально — *Злая Година*, *Лизал Хуртовина*. Едва ли собственно, такъ сказать, специальная погоня изъ Азова еслибы она и выступила за братьями, могла преслѣдовать ихъ такъ далеко, т. е. до муравской дороги. Скорѣе на нихъ могла натолкнуться какая нибудь шайка татаръ, которые вообще бродили въ этихъ мѣстахъ для людоевства, и тѣмъ болѣе, что средний братъ, несмотря на запрещеніе старшаго, оставлялъ за собою примѣту посредствомъ вѣтокъ; слѣд. татаре и могли набрести на эти слѣды и выслѣдить братьевъ по этой примѣтѣ. — *Сбитокъ* (*Вер.*) — сшибка, схватка. Ср. събитиса — сразиться. Амарт. XVI, 6: събившема же ся полкома (Словарь Востокова). — *Лизал Година* — олицетвореніе отвлеченнаго понятія въ живомъ образѣ, каковое нерѣдко встрѣчается въ народной повѣи. Ср. въ Словѣ о полку Игоревѣ: «Уже бо, братіе, Невеселая Година вѣстала». — *Хуртовина* южн. — вихрь, тѣронъ, внезапный ударъ, набѣгъ вѣтра (Даль). Здѣсь мы встрѣчаемся съ обычнымъ въ народной повѣи изображеніемъ битвы въ видѣ явленій грозы. — Младшій братъ страшится мысли быть непогребеннымъ самому; точно также его мучитъ представленіе о томъ, что тѣла братьевъ останутся непогребенными. Известно, что, по понятіямъ грековъ, душа человѣка не находила себѣ пріюта въ адѣ, пока тѣло не было оплакано и погребено. Подобное вѣрованіе существовало и у Славянъ.

63) *Кол.* 140 — 1; *Срезн.* 74 — 5; *Крячк.* 107 — 9; *Крюк.* 502, 14 — 20; *Кост.* 160, 1 — 2. — Ср. *Ник.* 112.

64) Третья *недоля* у *Ник.*, *Срезн.* и *Макс.*, — что уже вѣтеръ съ ногъ сбиваетъ; у *Крюк.*, — *бездорожье*; у *Крячк.* — *бездорожье*; у *Кол.* — что братьевъ не догналъ; у *Кост.* — *безрѣе*.

65) У *Срезн.* о *Савурѣ* — *могила не упоминается вовсе*; младшій умираетъ на ровной дорогѣ (муравской), что согласно и съ заключительною частью пѣсни по *Котл.*: «видно,

гдѣ-то его козачья голова въ степи, при дорогѣ полегла». Ср. прим. 70. — У *Кол.* о Савурѣ — могила упоминается дважды: какъ о мѣстѣ отдыха старшихъ братьевъ и какъ о мѣстѣ кончины младшаго; въ прочихъ вариантахъ, за исключеніемъ *Срезн.*, только однажды, какъ о мѣстѣ смерти младшаго, причемъ этотъ козакъ умираетъ у *Макс.*, *Вер.*, *Кряк.* и *Крюк.* подъ могилою, у *Кол.* и *Ник.* на самой могилѣ, взошедши на нее. Мнѣ кажется, что въ нашей думѣ перемѣщеніе Савурѣ — могилы на муравскую дорогу явилось подъ влияніемъ очень распространенной пѣсни о Морозенкѣ, изображающей смерть этого козака именно на Савурѣ — могилѣ, гдѣ онъ бился съ татарами, и подъ влияніемъ другихъ пѣсень, изображающихъ смерть козака вообще на высокой могилѣ. Картина смерти представлялась позднѣйшимъ пѣвцамъ, должно быть, болѣе эффектною на высокой могилѣ, чѣмъ просто на просто на ровной дорогѣ. Въ первоначальной редакціи нашей думы о Савурѣ — могила упоминалось, должно быть, только какъ о мѣстѣ отдыха старшихъ братьевъ и поджиданья ими младшаго; потомъ въ думѣ нашей, подъ влияніемъ пѣсни о Морозенкѣ и другихъ пѣсень, Савурѣ — могила передвинута на муравскую дорогу, что повлекло за собою разногласіе и сбивчивость по отношенію къ мѣсту, гдѣ предполагалось отдохнуть. Ср. прим. 52-е.

66) *Ник.* 131 — 3, 140 — 1; *Котл.* 161, 1 — 2.

67) *Кол.* 144 — 55; *Ник.* 118 — 30; *Срезн.* 80 — 9; *Макс.* 61 — 9; *Вер.* 127 — 39; *Крюк.* 502, 23 — 30; *Кост.* 162, 1 — 2, 163, 1 — 7.

68) *Кол.* 158 — 9; *Ник.* 142 — 4; *Макс.* 70 — 1.

69) У *Крюк.* и *Котл.* наступленіе грозовыхъ явленій изображается, какъ фактъ, дѣйствительно происходившій; у *Ник.* и *Вер.* объ этихъ явленіяхъ упоминается въ видѣ отрицательнаго сравненія. — По народнымъ повѣстическимъ воззрѣніямъ, душа уподоблялась то пламени, то дождю, то росѣ, то вѣтру, и эти уподобленія были сняты съ дѣйствительности. Мы и теперь говоримъ: «жизнь погасла», и это понятно: смерть тушитъ огонь жизни, и остается одинъ холодный трупъ. Съ другой стороны, душа уподоблялась дующему вѣтру. Объ умершихъ говорятъ: «Онъ испустилъ послѣднее дыханіе» или «послѣдній вадохъ». Въ то время, когда человѣкъ умираетъ,

первое, что должно было поражать окружающих его, — это прекращение въ немъ дыханія. Отсюда и возникло убѣжденіе, что душа, разлучаясь съ тѣломъ, вылетаетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго. (Аван., Повѣст. воззр. III, 197 — 206, 210 — 2). Подъ вліяніемъ такихъ-то воззрѣній послѣдній воздухъ младшаго брата и сопоставляется въ нашей думѣ съ появленіемъ черной грозовой тучи и съ порывомъ нагнавшаго ее вѣтра.

70) Ср. Ник. 203 — 4; Срезн. 126; Крюк. 503, 34; Кост. (тоже и у Котл.) 184, 9 — 10. Ср.:

«Знать ёго козацька голова въ степу, при дорозі полягла (Кост. и Котл.)

71) Кол. 160 — 2; Кост. 169, 1 — 5.

72) Срезн. 90 — 1; Кост. 169, 6 — 12; Вер. 152 — 60; Крячк. 123 — 31.

73) По варианту Крюк., онъ соорудилъ себѣ народный домъ *коштовный* (= много стоящій).

74) Histoire des États Barbaresques, traduite del'anglois, Paris, 1757, t. II, p. 277 — 281: «Платьемъ служить для рабовъ обыкновенно рубаха изъ грубой шерсти съ капишономъ, такъ что она служить вмѣстѣ головнымъ покровомъ, рубахой и штанами. Башмаковъ даютъ по четыре пары на 18 мѣсяцевъ, хотя известна и тяжелая ежедневная работа портятъ ихъ въ гораздо болѣе короткое время». — При изображеніи смерти младшаго брата сказано, что орлы, напавши на него еще за его жизни, стали *на кудри наступать*; стало быть, онъ былъ безъ шапки?

75) «Отцева и матчина молитва» — молитва дѣтей о родителяхъ и родителей о дѣтяхъ, что съ особенною ясностью видно изъ заключенія думы объ Алексѣѣ Поповичѣ.

76) Ср. «Вотъ уже даже и тихій вѣтеръ, въ степи повѣвад, *бѣднаго* козака, *несчастнаго*, съ ногъ сбиваетъ»; «Словно изъ неба воды — дожда и пищи, *бѣдлыя*, выжидаетъ».

77) *Обітріє* (Ник.) = обутрѣеть (у = і, какъ въ *оірохъ*, *діброва*, и т. п.) Ср: «ще й сонце негаразд обутріє, кожде іде в степ» (Основа 1862, VI, стр. 58). — *сонце обітріє* = появится на востокъ. (Этим. замѣтки Потебни, Р. Ф. В. 1879, № 2, стр. 256.)

78) *Кост.* 175, 1 — 4. — Ср. *Ник.* 170 — 7; *Срезн.* 116 — 8; *Милл.* 99 — 101.

79) Ср. прим. 58-е.

80) *Кол.* 193 — 206; *Крюк.* 503, 12 — 20; *Кост.* 183, 1 — 11.

81) Ср. *Кол.* 216 — 7.

82) *Крюк.* 503, 21 — 4; *Кол.* 207 — 13; *Кост.* 184, 1 — 10.

83) «А меньший сын, піша пішаниця, за гостя *приликае*» (*Кол.*).

Приницання — *introspectio* (Вост.). — *никанець* вост. сиб. — китаецъ (Даль); слѣд. *приликае* = возникаетъ, возрастаетъ, чудится, является призракомъ, привидѣніемъ, тѣнью. — Ср. *никвати* — возникать, возрастать (Вост.).

84) *Кол.* 219 — 22; *Крюк.* 503, 24; 504, 1 — 5. — Ср. *Ник.* 205 — 7; *Срезн.* 127 — 31.

85) Это замѣчено было и О. О. *Миллеромъ* (Малорусскія нар. думы, стр. 349).

86) Что народныя пѣвцы принимали самое живое участіе въ событіяхъ, краснорѣчивымъ, такъ сказать, *кровавымъ* доказательствомъ тому служить т. н. «Коденская книга» (Кіевская Старина 1882, № 4, стр. 164 — 5), заключающая въ себѣ протоколы суда надъ гайдамаками. Изъ нея видно, что за прикосновенность и возбужденіе народа къ возстанію казнены панамъ въ 1770 г. три бандурнста: *Прокопъ Скрипа*, *Михайло Сокового зять*, и *Василій Варченко*, унесшіе, быть можетъ, въ свои могилы повѣстическія сокровища, которыя для насъ имѣли бы высокую цѣну.

87) Аеван. I., стр. 327.

Оглавленіе.

Страницы :

Предисловіе	I — II
Вступительныя замѣчанія	1 — 8
Предварительныя поясненія къ содержанію думы	9 — 24
Основная часть думы	25 — 48
Заключительная часть думы	49 — 63
Общія выводы	64 — 68
Примѣчанія	69 — 82

UNIVERSITY
LIBRARY

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано :

виѣсто :

Страницы : строки сверху :

5 .	11 .	(у	у
11 .	18 .	Б. ч.	Б. ч.)
14 .	34 .	")	")
31 .	8 .	за младшимъ братомъ.	о младшемъ братѣ . .
36 .	18 .	отъ обдирала	вокругъ . обдирала .
37 .	6 .	} вождѣе	вождеѣ
40 .	27 .		
38 .	17—18	при отвѣтѣ отцу и ма-	быть съ нимъ заодно при
		тери, быть съ нимъ за-	отвѣтѣ отцу и матери о
		одно о младшемъ братѣ	младшемъ братѣ.

АЛЕКСАНДРЪ
УТРОЧНИКЪ
УСАДЬБА

ЦѢНА 60 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ *С.-Петербургѣ*, въ книжномъ магазинѣ типографіи
М. М. Стасюлевича и въ *Екатеринославѣ*, въ книж-
номъ магазинѣ *І. В. Шафермана*.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARY

This book is due on the date indicated below, or at the expiration of a definite period after the date of borrowing, as provided by the rules of the Library or by special arrangement with the Librarian in charge.

[illegible]

809.8

An28

Andrievskii

809.8

An 2 8

